

РЕШЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ОТ 12.06.2013
«PREST (APPELLANT) V PETRODEL RESOURCES LIMITED
AND OTHERS (RESPONDENTS)»*

В деле *Prest v. Petrodel Resources Ltd* (2013) Верховный Суд Соединенного Королевства нашел возможным признать активы компаний, контролируемых супругом, его бенефициарной собственностью и восстановить приказ о передаче их бывшей супруге. Признание бенефициарного интереса супруга в активах подконтрольных ему компаний выразилось в форме «возвратного траста» («resulting trust»), основанного на презумпции намерения лица, предоставившего денежные средства, сохранить бенефициарный интерес в активах, приобретенных на его средства. Для достижения такого результата доктрина «пронизывания корпоративной вуали» не только не использовалась Верховным Судом, но и была признана не подлежащей применению. Однако в результате данная доктрина не оказалась полностью исключенной из британской судебной практики, сфера ее применения ограничена «принципом уклонения» («*evasion principle*»), действующим тогда, когда лицо, находящееся под определенным ограничением, несущее ответственность или обязательство, вводит в эти отношения подконтрольную ему компанию, чтобы нивелировать существующее против него право, обойти соответствующее ограничение или обязательство или сделать тщетным их осуществление. Наделение компании правом собственности на активы, приобретенные за счет средств контролирующего ее лица или отчужденные им его же компании за символическое вознаграждение, не признано использованием корпоративной структуры для обхода права или уклонения от обязательств контролирующего лица (в том числе перед бывшей супругой). Суд отметил, что в большинстве случаев обстоятельства, приводимые для обоснования «пронизывания корпоративной вуали», раскрывают наличие такого правового отношения между компанией и контролирующим ее лицом, из которого следует право контролирующего лица на активы компании, основанное на законе или вытекающее из права справедливости, что делает ненужным «пронизывание корпоративной вуали». Судом подтвержден выраженный в решении Палаты Лордов по делу *Salomon v. Salomon & Co* [1897] AC 22 принцип обособленности юридической личности компании, обладающей юридической и бенефициарной собственностью на свои активы. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпоративная вуаль, бенефициарная собственность, возвратный траст, право справедливости, злоупотребление правом, «принцип уклонения», «принцип сокрытия», юридическая обособленность компании.

* http://supremecourt.uk/decided-cases/docs/UKSC_2013_0004_Judgment.pdf (сведения по состоянию на 20 августа 2013 г.).

Перевод с английского языка А. Л. Назыкова (e-mail: scienceart_rsu@mail.ru).

© Назыков А. Л., перевод на русский язык, 2013

DECISION OF THE SUPREME COURT OF THE UNITED KINGDOM OF 12.06.2013. «PREST (APPELLANT) V PETRODEL RESOURCES LIMITED AND OTHERS (RESPONDENTS)»

In *Prest v. Petrodel Resources Ltd* (2013) the Supreme Court of the United Kingdom decided to acknowledge the assets of the companies controlled by the husband to constitute his beneficial ownership and to reinstate the order concerning their transfer to the former wife. Acknowledgement of the husband's beneficial interest in the assets of the companies controlled by him was reflected in the form of a "resulting trust" based on the presumption of an intention of a person who has provided monetary funds to retain a beneficial interest in the assets purchased for his funds. To achieve this result, the Supreme Court did not use the doctrine of "piercing the corporate veil". It even considered it not applicable. However, as a result, this doctrine was not fully excluded from the British judicial practice. The sphere of its application is limited to the "evasion principle" which is applied when the person under a certain restriction bearing liability or an obligation includes a controlled company into these relations in order to counter-balance the right against him, to circumvent the applicable restriction or obligation or to frustrate their enforcement. Vesting the company with the title for assets purchased for the monetary funds of the controlling person or his disposing of his own company for a token consideration was not considered to constitute a usage of a corporate structure to circumvent the law or to avoid obligations of the controlling person (including the obligations towards his former wife). The Court noted that in most cases the circumstances which substantiate "piercing the corporate veil" reveal such a legal relation between a company and its controlling person which determines the title of the controlling person to the company's assets either based on law or derived from equity law. Therefore, "piercing the corporate veil" is unnecessary. The Court confirmed the principle of the separate legal personality of a company possessing legal and beneficial ownership of its assets, as expressed in the House of Lords ruling in *Salomon v. Salomon & Co* [1897] AC 22.

KEYWORDS: corporate veil, beneficial ownership, resulting trust, equity law, abuse of law, evasion principle, concealment principle, separate legal personality of a company.

Лорд Sumption:

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящая апелляция подана в связи с «производством о предоставлении дополнительной помощи» (*proceedings for ancillary relief*¹), последовавшим за делом о разводе. Основными сторонами, представшими перед судьей J. Моулан, были супруги Michael и Yasmin Prest (Майкл и Ясмин Прест); он родился в Нигерии, а она — в Англии. Супруги Прест являлись гражданами Нигерии и Великобритании. Их брачные отношения длились с 1993 г., и в период брака они проживали в Англии, в их семейном доме (*matrimonial home*), хотя суд первой инстанции признал супруга также резидентом Монако с 2001 г. Кроме того, супружеская пара имела также второй дом в Невисе. В марте 2008 г. супруга потребовала развода, *decree*

¹ Термин «ancillary relief» определяется следующим образом: «A court order incidental to another order or application. It usually refers to a financial provision order or a property adjustment order made in the course of proceedings for divorce, separation, or nullity under the Matrimonial Causes Act 1973. Such orders are made on or after granting the decree» (A Dictionary of Law. 7th ed. / edited by J. Law, E. A. Martin. Oxford University Press, 2009. P. 32).

*nisi*² (судебный акт о прекращении брака, имеющий временное действие, в период которого он может быть отменен или оспорен, а супруги все еще считаются состоящими в браке) был вынесен в декабре 2008 г., окончательно развод был объявлен в 2011 г.

2. Супруг не является стороной апелляции с точки зрения формы, однако его присутствием проникнуто все дело. Апелляционная жалоба касается только положения ряда компаний, входящих в группу *Petrodel Group*, которые суд первой инстанции признал полностью принадлежащими и контролируруемыми (напрямую либо через опосредствующие компании) бывшим мужем. Первоначально в деле участвовали семь компаний, которые были присоединены как дополнительные ответчики по заявлению супруги о предоставлении «дополнительной помощи» (*ancillary relief*). Это компании *Petrodel Resources Ltd (PRL)*, *Petrodel Resources (Nigeria) Ltd (PRL Nigeria)*, *Petrodel Upstream Ltd (Upstream)*, *Vermont Petroleum Ltd (Vermont)*, *Elysium Diem Ltd*, *Petrodel Resources (Nevis) Ltd (PRL Nevis)* и *Elysium Diem Ltd (Nevis)*. Три из этих компаний, *PRL*, *Upstream* и *Vermont*, учрежденные на острове Мэн, являются ответчиками в данном деле. Компания *PRL* была юридическим собственником семейного дома, который был куплен на имя компании в 2001 г., но который суд признал бенефициарно принадлежащим бывшему мужу. Относительно этой собственности какого-либо спора больше не возникает, дом находится в процессе передачи его супруге. Кроме того, компания *PRL* была юридическим собственником пяти резиденций в Великобритании, еще две такие резиденции принадлежали компании *Vermont* как юридическому собственнику. Основной вопрос, таким образом, состоит в следующем: имеется ли у суда право приказать произвести передачу этих семи резиденций жене, учитывая, что юридически они принадлежат не бывшему мужу, а его компаниям.

3. Часть II Закона о семейных спорах 1973 г. (*Matrimonial Causes Act 1973*) наделяет суд широкими полномочиями по предоставлению дополнительной помощи одному из супругов (*ancillary relief*). Секция 23 предусматривает возможность периодических и разовых платежей одному из супругов или в пользу детей, родившихся в этом браке. Согласно секции 24(1) (а) суд может приказать «одному из супругов передать другому супругу... определенную собственность, в отношении которой первый супруг имеет юридический титул, находящуюся как в его владении, так и в виде права требования ее возврата» (*property to which the first-mentioned party is entitled, either in possession or reversion*³). Секция 25 предусматривает ряд вопросов, которые суд в особенности должен учитывать при вынесении таких приказов, включая согласно секции 25(2)(а) «доход, способность к зарабатыванию денег, собственность и иные финансовые ресурсы, которые каждый из супругов имеет или, вероятно, будет иметь в предвидимом будущем».

² «Decree nisi» определяется как «conditional decree of divorce, nullity, or presumption of death. For most purposes the parties to the marriage are still married until the decree is made absolute. During the period between decree nisi and decree absolute the Queen's Proctor or any member of the public may intervene to prevent the decree being made absolute and the decree may be rescinded if obtained by fraud» (Ibid. P. 157).

³ «Reversion (reverter)» определяется как «the interest in land of a person (called the reversioner) who has granted some lesser interest than his own to another but has not disposed of the whole of his own interest. For example, if A grants land to B for life, A has an interest in reversion, since the land reverts to him on B's death. Similarly, a person who lets or sublets land to another retains an interest in reversion. The reversionary interest of a lessor can subsist as a legal estate, but the reversion after any other interest than a lease is necessarily an equitable interest» (A Dictionary of Law, 7th ed. P. 480).

4. Надлежащее осуществление судом этих полномочий требует искренности сторон в раскрытии их финансовых дел, в связи с чем суду представлены существенные процедурные полномочия по принуждению сторон к такому раскрытию. В данном деле процессуальное поведение супруга отличалось упорным воспрепятствованием процессу, запутыванием и обманом, нежеланием подчиняться приказам суда. Судья Moylan J. описывает в его решении длинную историю последовательных приказов суда, которые игнорировались или обходились супругом, предпринимавшим различные попытки сокрыть истинные размеры своих активов, инициировавшим конкурирующие разбирательства в Нигерии, посредством которых он добивался признания того, что отдельные его компании находились в трасте в пользу его близких родственников. Единственным доказательством от компаний-ответчиков был affidavit м-ра Murphy, директора компании *PRL* и корпоративного секретаря трех компаний-ответчиков, который не смог явиться для дачи показаний по этому доказательству. Судья отклонил его объяснение неявки, мотивированное плохим состоянием здоровья, и признал, что он был «не желающим явиться, нежели неспособным предстать перед судом». Суд пришел к выводу, что «из-за вопиющего нежелания супруга соблюдать обязанности по раскрытию доказательств и подчиняться приказам суда, вынесенным в ходе настоящего разбирательства, у суда отсутствуют доказательства, позволяющие воссоздать обычную схему активов». Тем не менее судья признал, что супруг является единственным бенефициарным собственником и лицом, контролирующим компании, оценив их чистые активы по всем доступным суду доказательствам в размере 37,5 млн фунтов.

5. Своим приказом от 16 ноября 2011 г. судья Moylan обязал бывшего супруга произвести передачу его жене титула собственности на семейный дом (16, Warwick Avenue, London), свободный от обременений, а также единовременный платеж жене в размере 17,5 млн фунтов и периодические платежи в виде 2 % от этой суммы до момента ее полной выплаты вместе с £24 000 ежегодного платежа и оплаты обучения их четырех детей в школе. Суд также взыскал в пользу супруги судебные издержки в сумме £600 000. В счет частичного погашения единовременного платежа (lump sum order) судья обязал бывшего супруга произвести трансфер на имя его жены семи находящихся в Соединенном Королевстве резиденций, юридически принадлежащих компаниям *PRL* и *Vermont*. Суд обязал эти компании подготовить документы, которые необходимы для передачи титула на семейную резиденцию и на семь других объектов собственности. Более того, при присуждении в пользу супруги судебных расходов суд определил, что компании *PRL*, *Upstream* и *Vermont* являются солидарно ответственными вместе с супругом в размере 10 % этих расходов. Соответствующие решения были вынесены в отношении нескольких других корпоративных ответчиков, но они не обратились с апелляцией ни в Апелляционный Суд, ни в этот Суд, и больше не имеют отношения к настоящему делу, за исключением тех фактов, связанных с ними, которые проливают свет на положение трех ответчиков. Никакого решения не было вынесено судом (равно как и не испрашивалось у суда) о передаче каких-либо активов компании *Upstream*, однако эта компания заинтересована в настоящем разбирательстве из-за ее ответственности согласно приказу суда о возмещении судебных расходов супруги.

6. Отличительной чертой подхода судьи было его заключение об отсутствии общего принципа права, который уполномочил бы его «добраться» до активов компаний посредством «пронизывания корпоративной вуали». Он пришел к такому выводу, поскольку из руководящих прецедентов следовало, что обособленная юридическая личность компании не может не

приниматься во внимание, если не было злоупотребления ею для цели, не совсем соответствующей целям компании. Судья решил, что в данном случае такого несоответствия (*impropriety*) не было. Тем не менее, он полагает, что при рассмотрении заявлений о предоставлении финансовой помощи супругу, дополнительных к бракоразводному процессу, секцией 24 Акта о семейных спорах (section 24 of the Matrimonial Causes Act) предоставлена более широкая юрисдикция, разрешающая «пронзить корпоративную вуаль». Судья признал, что семейная резиденция находилась в собственности компании *PRL* в виде траста в пользу супруга, но не сделал никаких соответствующих выводов относительно семи других объектов собственности и отказался объявить супруга их бенефициарным собственником. Из дополнительного решения суда от 16 ноября 2011 г. (в форме приказа) становятся понятными причины такого подхода, поскольку, решив, что суд специально уполномочен на распоряжение активами компаний по смыслу секции 24 Акта о семейных спорах, судья не посчитал необходимым признавать супруга бенефициарным собственником из-за «потенциальных налоговых последствий». Остается неясным, какие потенциальные налоговые последствия судья имел в виду, но из его замечаний следует, что без них он вполне мог бы вынести испрашиваемое решение, объявляющее супруга бенефициарным собственником.

7. В Апелляционном суде три компании-ответчика оспорили вынесенные против них приказы суда, основываясь на отсутствии у суда юрисдикции обязать компании передать супруге их собственность в погашение судебного долга бывшего супруга. Это утверждение апеллянтов поднимает важный вопрос. В течение ряда лет отделение Высокого Суда по семейным спорам (Family Division) рассматривало активы компаний, принадлежащих одному из супругов, как подлежащие распределению согласно секции 24 Акта о семейных спорах при условии, что оставшихся активов компании было достаточно для удовлетворения требований иных ее кредиторов. В Апелляционном Суде эта практика была поддержана судьей Thorpe L. J., но большинство с ним не согласилось. Судья Rimer, излагая ведущее решение от имени большинства, признал, что практика, развитая судом Family Division, выходит за пределы юрисдикции суда, если только (1) корпоративная личность компании не использовалась для достижения цели, в определенном отношении не соответствующей целям компании, (2) а также за исключением случая, когда исходя из конкретных фактов дела может быть доказано, что активы, юридически принадлежащие компании, находились у компании в трасте в пользу супруга. Rimer пришел к выводу, что судья отклонил оба этих варианта исходя из обстоятельств дела, в связи с чем он не должен был, таким образом, издавать приказ. Судья Patten L. J. в своем совпадающем мнении указал, что суд Family Division разработал «при рассмотрении заявлений о дополнительной финансовой помощи (*ancillary relief applications*) подход к активам, находящимся в собственности компании, приближающийся почти к обособленной системе юридических правил, не затрагиваемых соответствующими принципами английского права собственности и права компаний». Эта практика, пришел он к выводу, должна быть прекращена. Такой подход имеет значительные практические выводы. Если бы расположенные в Соединенном Королевстве резиденции компаний *Petrodel Group* не были переданы бывшей супруге, госпоже Prest, возможно, что присужденный в ее пользу разовый платеж остался бы полностью непогашенным. К настоящему времени супруге был передан семейный дом, но только с ранее возникшим обременением в пользу *BNP Paribas* для обеспечения долга, размер которого остался

нераскрытым. Десять процентов судебных расходов, подлежащих уплате по приказу суда, были выплачены тремя ответчиками, но лишь для того, чтобы выполнить условие, установленное по получению разрешения обратиться с апелляцией в Апелляционный Суд. Кроме оплаты обучения детей в школе супруг не исполнил ни одной части приказа судьи Moylan и демонстрирует отсутствие всякого намерения его исполнять, если у него имеется возможность избежать этого.

ВОПРОСЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РАЗРЕШЕНИЮ

8. С учетом очень небольших исключений, большинство из которых установлены законом, компания — это юридическая личность (*legal entity*), отличная от ее акционеров. Ее права и обязанности отличны от прав и обязанностей ее акционеров. Собственность компании принадлежит ей, но не ее акционерам. В деле *Salomon v. A. Salomon and Co Ltd* [1897] AC 22 Палата лордов признала, что эти принципы также применяются к компании, полностью контролируемой одним человеком, как и ко всякой другой компании. В деле *Macaura v. Northern Assurance Co Ltd* [1925] AC 619 Палата лордов также признала, что единственный владелец компании, полностью контролирующей ее, даже не имеет страхового интереса в собственности компании, хотя экономически он должен был претерпевать из-за ее разрушения. Lord Buckmaster сказал следующее (at pp. 626–627): «ни один из акционеров не имеет какого-либо права на какой бы то ни было предмет собственности, принадлежащий компании, поскольку у него нет в отношении этой собственности ни юридического титула, ни титула по праву справедливости (*legal or equitable interest*). Он имеет право на часть доходов, пока компания продолжает ведение бизнеса, и на долю при распределении оставшихся активов при ликвидации компании».

В деле *Lonrho Ltd v. Shell Petroleum Co Ltd* [1980] 1 WLR 627 Палата лордов решила, что документы дочерней компании (*subsidiary*) не находятся во власти контролирующей компании (*parent company*) для целей их раскрытия в ходе судебного разбирательства лишь по причине контроля и собственности, которые принадлежали «родительской компании». Эти принципы — отправная точка для подробно разработанных ограничений, которые установлены британским правом в отношении большого ряда сделок, имеющих прямой или косвенный эффект распределения капитала компании среди ее акционеров. Обособленная личность и собственность компании иногда описываются как фикция, и в этом смысле так оно и есть. Но в данной фикции — все основание английского права компаний и несомнительности. Как однажды заметил Robert Goff L. J., в этой сфере «мы имеем дело не с экономикой, а с правом. Различие между ними фундаментально»: *Bank of Tokyo Ltd v. Karoon (Note)* [1987] AC 45, 64. Он мог бы также добавить, что это правило является фундаментальным не только юридически, но и экономически, поскольку компании с ограниченной ответственностью являются основной единицей коммерческой жизни на протяжении более века. Их обособленная личность и собственность — основание, на котором третьи лица вправе совершать с ними сделки и, как правило, так и поступают.

9. Исходя из этих предпосылок, есть три возможных правовых основания, по которым активы компаний группы *Petrodel* могут быть направлены на погашение долга бывшего супруга по выплате разового платежа его жене:

(1) можно сказать, что это именно то дело, в котором, в порядке исключения, суд может не признавать корпоративную вуаль для того, чтобы предоставить эффективное средство защиты;

(2) секция 24 Закона о семейных спорах может быть рассмотрена как наделяющая суд правом не принимать во внимание корпоративную вуаль в бракоразводных процессах;

(3) компании можно рассматривать как владеющие собственностью в виде траста в пользу супруга не в силу его статуса единственного акционера и контролирующего лица, а с учетом конкретных обстоятельств этого дела.

ВЫВОДЫ СУДЬИ О КОМПАНИЯХ

10. Большая часть фактов, установленных судьей, касалась двух вопросов, которые больше не являются предметом спора, а именно принадлежала ли *Petrodel Group* супругу и какова была стоимость ее активов? Для настоящих целей достаточно подытожить те из них, которые имеют отношение к положению трех корпоративных ответчиков.

11. На момент совершения брака и в течение 1990 г. супруг работал трейдером в одной из главных международных нефтяных компаний, но в 2001 г. он оставил своего последнего работодателя, Марка Рича, и основал свои собственные компании. Первоначально в его бизнес были вовлечены две группы компаний — *Aurora* и компании группы *Petrodel*. В 2004 г. *Aurora* была ликвидирована, после чего он вел свои дела главным образом через компании группы *Petrodel*. Основной операционной компанией этой группы была *PRL*, компания, инкорпорированная на о. Мэн. Из ее финансовой отчетности видно, что компания была учреждена 4 мая 1993 г., бездействовала до 1996 г. и не осуществляла никаких операций вплоть до 25 апреля 2002 г., т. е. и после того, как супруг оставил своего работодателя и занялся своим собственным бизнесом. В период между 1996 и 2002 гг. эта компания охарактеризована в ее финансовой отчетности как инвестиционная. Ее единственными функциями в данный период являлись держание титула на семейный дом по *Warwick Avenue* в Лондоне и еще на пять резиденций в Лондоне, а также существование в качестве канала для финансирования покупки недвижимости другими компаниями группы. Согласно доказательствам супруга компания в 1990-е годы занималась агробизнесом и нефтяным бизнесом частично вместе с его тогдашним работодателем. Однако это не согласовывалось с финансовой отчетностью компании, в связи с чем судья отклонил данные утверждения. М-р *Le Breton*, первый компаньон мужа по бизнесу, дал показания во время слушаний, которые судья счел заслуживающими доверия. По словам м-ра *Le Breton*, начиная примерно с 2001 г. компания *PRL* в некоторой мере участвовала в нефтяной торговле и судоходстве, а с 2006 г. ее интересы сместились в сферу добычи и производства нефти в Нигерии и Западной Африке. Последние раскрытые финансовые отчеты компании *PRL* — письменные отчеты за 2008 и 2009 гг. Судья отказался признать «какой-либо значимый вес» финансовой информации в отчетах за 2008 г., которые он счел недостоверными. Все раскрытые финансовые документы компании в настоящее время совершенно не актуальны. Насколько можно судить, отчетность за оба года показывает существенный оборот и большие остатки. По свидетельству супруга, компания *PRL* прекратила торговлю в 2010 г., когда она потеряла свой основной контракт. Исходя из очевидного

непреклонного желания супруга сделать тщетными требования его жены, нет никаких оснований полагать, что активы компании, отраженные в ее финансовой отчетности, все еще находятся здесь.

12. Управленческий контроль компаний *PRL* всегда был в руках супруга, официально — как главного исполнительного директора на основании договора найма, наделяющего его полной свободой усмотрения в ведении бизнеса компании. Судья пришел к выводу, что ни одна из компаний никогда не имела независимых директоров. Супруг является директором *PRL Nigeria*, директора остальных компаний — номинальные или профессиональные, в основном его родственники, получающие указания супруга. Директорами компании *PRL* являются м-р Murphu (принципал корпоративного секретаря) и некая леди из *Nevis*, которая, как представляется, здесь работала у супругов уборщицей.

13. Установить отношения собственности в отношении компаний-ответчиков оказалось труднее. Супруг не признавал наличие какого-либо своего личного интереса в акциях какой бы то ни было компании группы и отказался указать, кто были их окончательные владельцы. В целом, все акции компании *PRL* принадлежат компании *PRL Nigeria*. Почти все акции этой компании принадлежат компании *PRL Nevis*, относительно которой мало что известно, но отчеты которой показывают значительные финансовые остатки, на первый взгляд полученные от торговли. Супруг пытался доказать, что акции компании *PRL Nevis* находились в собственности ее же дочерней компании *PRL Nigeria*. Судья охарактеризовал это как «путаницу» («puzzling»), но не сделал никаких выводов относительно достоверности представленных доказательств. Затем было заявлено, что владение компанией *PRL Nevis* осуществляется через семейный траст, относительно которого, однако, ничего не известно. В итоге, это не имело существенного значения, поскольку судья преодолел сложности корпоративной структуры, приняв доказательства супруги и м-ра Le Breton о том, что бывший супруг был действительным собственником *Petrodel Group*, как он всегда об этом им заявлял, даже если истинные средства, посредством которых он владел данными компаниями, остались неясными. Это касается компаний *PRL*, *PRL Nigeria* и *PRL Nevis*.

14. Все указанное выше распространяется также и на компанию *Vermont*, чьи акции на 49 % принадлежат компании *PRL* и на 51 % — компании *PRL Nigeria*, а также на компанию *Upstream*, у которой есть одна выпущенная акция, находящаяся в собственности компании *PRL Nevis*. Компания *Vermont* была и, по-видимому, остается торговой компанией. По свидетельству супруга, эта компания начала перевозить сырую нефть в 2010 г. Истинная природа бизнеса компании *Upstream*, если таковой ведется, остается неясной. Скорее всего, он не связан с торговлей.

15. Супруг отказался ответить на вопрос о том, получал ли он какие-либо выгоды от компании *PRL*, за исключением его жалования, сославшись на то, что это был «вопрос отчетности». Судья, тем не менее, сделал обширные выводы на данный счет. Он установил, что личные расходы супруга существенно превышали его жалование и бонусы как главного исполнительного директора и что эта разница полностью финансировалась компанией. В данном случае отсутствовали какие-либо формальности. Супруг попросту рассматривал остатки наличности компаний и их собственность как его собственные и распоряжался ими так, как считал нужным. Судья счел, что супруг имел неограниченный доступ к активам компаний, не связанный каким-либо контролем совета директоров. Он использовал активы компании *PRL* для финансирования своих личных расходов и расходов его

семьи, включая существенные юридические издержки, понесенные в настоящем деле. Группа компаний была «фактически... денежной коробкой супруга, которой он пользовался по своему желанию».

ПРОНИЗЫВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ

16. В первую очередь, я должен обратить внимание на ограниченный смысл, в рамках которого в целом и встает этот вопрос. «Piercing the corporate veil» — выражение, используемое скорее без помышления о последствиях, для описания ряда различных вещей. На самом деле оно означает отрицание обособленной личности компании. Имеется ряд ситуаций, в которых право относит действия или собственность компании на имя тех, кто контролирует ее, но без отрицания ее обособленной юридической личности. Лицо, контролирующее компанию, может нести персональную ответственность — по общему правилу, дополнительно к ответственности компании — за то, что оно совершило в качестве ее агента или соучастника. Собственность, юридически принадлежащая компании (*property legally vested in a company*), может бенефициарно принадлежать контролирующему ее лицу, если сделки в отношении этой собственности (*arrangements in relation to the property*) направлены на то, чтобы сделать компанию номинальным держателем данной собственности в интересах контролирующего ее лица (*controller's nominee*) или же сделать ее трасти для этой цели (*trustee for that purpose*). Для определенных законом целей юридическая ответственность компании может быть задействована в результате действий или бизнеса ассоциированной компании. Такими примерами являются положения Закона о компаниях, регулирующие групповые счета (*group accounts*), или правила, регулирующие последствия нарушения конкурентного права «фирмами», которые могут включать группы компаний, ведущих соответствующий бизнес как экономическая единица. Средства защиты по праву справедливости (*equitable remedies*), такие как судебные запреты (*injunction*) или исполнение сделки по решению суда (*specific performance*), могут быть применены для понуждения контролирующего компанию лица, несущего персональную юридическую ответственность, осуществлять его контроль в определенном направлении. Но когда мы говорим о *piercing the corporate veil*, мы не говорим (или нам не следует говорить) о какой бы то ни было из этих ситуаций, а только о тех делах, которые являются действительными исключениями из правила, установленного в деле *Salomon v. A. Salomon and Co Ltd* [1897] AC 22, т. е. когда лицо, которое владеет компанией и контролирует ее, при определенных обстоятельствах считается юридически отождествляемым с данной компанией благодаря такому владению и контролю.

17. Наиболее развитые правовые системы признают обособленную личность компании, допуская при этом некоторые границы в ее логических следствиях. В юрисдикциях гражданского права юридической основой для таких исключений является в целом концепция злоупотребления правами (*abuse of rights*), на которую ссылался Международный суд правосудия в деле *In re Barcelona Traction, Light and Power Co Ltd* [1970] ICJ 3, когда он извлек из местного права ограниченный принцип, позволяющий применять «пронизывание корпоративной вуали» в случаях ненадлежащего пользования правом (*misuse*), злоупотребления доверием (*fraud*), незаконных действий (*malfeasance*) или уклонения от юридических обязательств (*evasion of legal obligations*). Эти примеры демонстрируют широту — по крайней мере

как вопроса правовой теории — концепции злоупотребления правами, которая распространяется не только в отношении незаконного и ненадлежащего обращения к праву, но и в отношении его использования в целях, побочных по отношению к тем, ради которых данное право существует.

18. В английском праве отсутствует подобная общая доктрина. Но в нем есть различные принципы, которые в некоторых случаях достигают того же результата. Один из этих принципов состоит в том, что право описывает проявления большинства юридических отношений (*incidents of most legal relationships*) между лицами, как естественными, так и искусственными, на основании фундаментальной презумпции того, что их действия являются честными. Если же они таковыми не являются, подобные юридические явления (*the same legal incidents*) не будут с необходимостью применяться. Этот принцип был изложен в его наиболее абсолютной форме в известной *dictum* лорда Denning LJ в деле *Lazarus Estates Ltd v. Beasley* [1956] 1 QB 702, 712: «Ни один суд в этой стране не позволит лицу сохранить какое-либо преимущество, которого он добился через злоупотребление доверием. Ни одно решение суда, ни один приказ министра не может остаться в силе, если они были получены через злоупотребление доверием. Все распадается из-за обмана. Суд не должен предполагать обман до тех пор, пока он отчетливо не обнаружен и не доказан; но, будучи однажды доказанным, он порочит судебные решения, договоры и какие бы то ни было сделки».⁴

Этот принцип известен главным образом в контексте договоров и иных консенсуальных договоренностей, в которых результатом обмана является порочность соглашения сторон, так что сделка становится оспоримой с момента ее совершения. Но применение данного принципа получило еще большее распространение в делах, которые могут быть осмыслены только на основании соображений публичного порядка, например, объяснение отмены публичного акта, такого как решение суда, которое не имеет никакого консенсуального значения, — возможность такой отмены существует, по крайней мере, с 1775 г.: *Duchess of Kingston's Case* (1776) 2 Smith's LC, 13th ed, 644, 646, 651; или для аннулирования права, полученного вследствие юридического статуса, например из брака: *R v. Secretary of State for the Home Department, Ex p Puttick* [1981] QB 767; или для неприменения установленного законом срока исковой давности, который, на первый взгляд, подлежал применению: *Welwyn Hatfield Borough Council v. Secretary of State for Communities and Local Government* [2011] 2 AC 304. Эти решения (как, впрочем, и другие) иллюстрируют более широкий принцип, применяемый в делах, в которых выгода от некоторого, на первый взгляд абсолютного, правового принципа была получена через бесчестное поведение. Господствующая судебная практика (*the authorities*) показывает, что есть ограниченные обстоятельства, при которых право рассматривает использование компании в качестве средства для обхода закона как бесчестное поведение для этой цели.

19. По настоящему вопросу есть много примеров в судебной практике, большая часть которой отличается опрометчивыми суждениями и недостаточным обоснованием. Я предлагаю, во-первых, исследовать те дела, в которых

⁴ «No court in this land will allow a person to keep an advantage which he has obtained by fraud. No judgment of a court, no order of a Minister, can be allowed to stand if it has been obtained by fraud. Fraud unravels everything. The court is careful not to find fraud unless it is distinctly pleaded and proved; but once it is proved, it vitiates judgments, contracts and all transactions whatsoever...».

стараются обосновать прецедентное право в терминах общего принципа, а затем обратиться к делам, в которых суд, как полагали — будь это верно или неверно, — «пронзал корпоративную вуаль», чтобы определить те важнейшие черты таких дел, которые позволили судам поступить таким образом.

20. Почти все современные исследования данного общего принципа приняли в качестве своей отправной точки краткое, но влиятельное суждение (*obiter*) лорда Keith of Kinkel в деле *Wolfson v. Strathclyde Regional Council* 1978 SC(HL) 90. В этом деле Палата лордов, рассматривая апелляцию на решение шотландского суда, отказалась позволить основному акционеру компании взыскать компенсацию за принудительную покупку собственности, которую занимала его компания. Спор был разрешен на основании фактов дела, однако лорд Keith, излагая ведущую речь, отметил, что «пронизывание корпоративной вуали» является уместным только в тех случаях, когда существуют особые обстоятельства, указывающие, что это лишь фасад, скрывающий действительные факты».⁵

21. Первый систематический анализ большой и разнообразной части английского прецедентного права был предпринят Апелляционным Судом в деле *Adams v. Cape Industries plc* [1990] Ch 433 (судьи Slade, Mustill и Ralph Gibson LJJ). В этом деле рассматривался вопрос, является ли расположенная в Соединенном Королевстве родительская компания международной угольной группы, управляемой как «одна экономическая единица», присутствующей в Соединенных Штатах для цели придания на территории Англии принудительной силы решению американского суда против данной компании. Наряду с другими аргументами было выдвинуто также предположение, что эта компания находилась на территории США потому, что полностью принадлежащая ей дочерняя компания была инкорпорирована и вела бизнес в США. Судья Slade L. J., излагая решение суда, отклонил данное утверждение. Суд, приняв суждение лорда Keith в деле *Wolfson v. Strathclyde*, признал, что корпоративная вуаль может быть не принята во внимание только в случаях, когда она использовалась для намеренно бесцельной цели. Помимо этого и не касаясь дел, связанных с толкованием отдельных законов, суд также признал, что «суд не наделен свободой не принимать во внимание принцип дела *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22 лишь потому, что, по мнению суда, того требует справедливость. Наше право, хорошее оно или нет, признает создание дочерних компаний, которые хотя в одном смысле и являются творением их родительских компаний, тем не менее, согласно общему праву рассматриваются как обособленные юридические лица со всеми правами и обязанностями, обычно присущими обособленным юридическим лицам».

22. В деле *Trustor AB v. Smallbone (No 2)* [2001] 1 WLR 1177 сэр Andrew Morritt (вице-канцлер) рассмотрел множество подобных прецедентов. М-р Smallbone, первоначальный управляющий директор компании *Trustor*, незаконно организовал перевод крупных денежных сумм этой компании на счета компании *Introcom Ltd*, инкорпорированной на Гибралтаре. Компания *Introcom* принадлежала (и контролировалась) трастом в Лихтенштейне, бенефициаром которого был м-р Smallbone. Ее директора действовали по распоряжениям м-ра Smallbone. На ранней стадии разбирательства компания *Trustor* добилась решения по некоторым ее требованиям против компании *Introcom* на основании совершения платежей неправомочным

⁵ «It is appropriate to pierce the corporate veil only where special circumstances exist indicating that it is a mere facade concealing the true facts».

лицом, нарушения м-ром Smallbone обязанностей управляющего директора, а также того обстоятельства, что компания была «просто средством, которое Mr Smallbone использовал для получения денег из компании *Trustor*», и что его знание об этом факте может быть вменено контролируемой им компании. Вице-канцлер рассматривал последовавшее заявление компании *Trustor* о вынесении решения против самого м-ра Smallbone. Судом была принята во внимание возможность защиты от исков против м-ра Smallbone о взыскании убытков или о компенсации за нарушение им обязанностей директора компании *Trustor*. Соответственно, единственным основанием иска было то, что он ответственен предоставить отчет за использование средств компании (*liable to account*) как конструктивный трасти (*constructive trustee*) на основании «сознательного получения» средств управляемой им компании (*knowing receipt*). А это зависело от утверждения, что его следовало отождествлять с компанией *Introcom* и тем самым рассматривать как получившего деньги лично. Утверждалось, что практика оправдывает «пронизывание корпоративной вуали» в трех, возможно пересекающихся, случаях: (i) когда компания была лишь «фасадом или обманом» (*facade or sham*); (ii) когда компания была вовлечена в одну из форм неправомерного поведения (*impropriety*); и (iii) когда это необходимо сделать в интересах справедливости. В каждом из таких дел право суда «пронзить корпоративную вуаль» было обусловлено отсутствием интересов третьих лиц, которые могли бы быть затронуты подобным решением, например не имеющих отношения к делу миноритарных акционеров или кредиторов. Вице-канцлер пришел к выводу, что сложившаяся практика поддерживает это утверждение в случае (i), а также в случае (ii), при условии, что упоминаемая неправомерность (*impropriety*) имела отношение к делу, т. е. была «связана с использованием структуры компании для избежания или сокрытия ответственности за такую неправомерность». Отрицая третий из предложенных вариантов «пронизывания вуали», он последовал решению по делу *Adams v. Cape Industries*. В итоге вице-канцлер пришел к выводу, что суд «вправе «пронзить корпоративную вуаль» и признать получение денег компанией как если бы это было получение денег лицом, ее контролирующим, если компания использовалась как средство или фасад для сокрытия истинных фактов, тем самым для избежания или сокрытия какой бы то ни было ответственности упомянутого лица».⁶

23. В течение ряда последующих лет решение по делу *Cape Industries* считалось установившим общий подход по данному вопросу. Но в течение большей части этого периода Суд по семейным спорам следовал независимой линии, главным образом из стремления сделать эффективной предоставленную законом юрисдикцию по распределению семейной собственности после развода. В деле *Nicholas v. Nicholas* [1984] FLR 285 Апелляционный Суд (в составе судей Cumming-Bruce L. J. и Dillon L. J. J.) отменил решение судьи, обязавшего супруга передать супруге в собственность имущество, принадлежащее компании, в которой у супруга было 71 % акций, а другие 29 % находились у его партнеров по бизнесу. Однако оба члена судебной коллегии допустили, среди прочего, что результат мог бы быть иным, не будь в компании миноритарных акционеров. Судья Cumming-Bruce L. J. полагал, что в такой ситуации суд «пронзит корпоративную вуаль» и издаст приказ, имеющий такие же последствия, как если бы собственность принадлежала

⁶ «In summary, the court was “entitled to ‘pierce the corporate veil’ and recognise the receipt of the company as that of the individual(s) in control of it if the company was used as a device or facade to conceal the true facts, thereby avoiding or concealing any liability of those individual(s)».

самому мажоритарному акционеру. Dillon L. J. указал также: «Если бы компания была компанией одного лица (*one-man company*) и *alter ego* супруга, у меня не возникло бы затруднений в принятии решения об обязанности супруга передать эту собственность (бывшей супруге. — Прим. пер.)».⁷ Это суждение впоследствии применялось судьями Family Division, рассматривавшими прошения бывших супругов о дополнительной финансовой помощи (*ancillary financial relief*) и регулярно выносившими приказы о присуждении одному из супругов активов, принадлежащих компаниям, единственным акционером которых был другой супруг (судья Connell J. издал такой приказ в деле *Green v. Green* [1993] 1 FLR 326). В деле *Mubarak v. Mubarak* [2001] 1 FLR 673, 682C судья Bodey J. признал, что для цели заявлений о дополнительной финансовой помощи суд Family Division «поднимет корпоративную вуаль» (*lift the corporate veil*) не только в тех случаях, когда компания была обманом (*sham*), но и тогда, когда это «справедливо и необходимо»,⁸ — то самое утверждение, которое Апелляционный Суд ранее отклонил как изложение общеправового принципа в деле *Adams v. Cape Industries*. А в деле *Kremen v. Agrest (N 2)* [2011] 2 FLR 490, para 46, судья Mostyn J. признал, что существует «весомая практическая причина того, почему “покров” (*cloak*)⁹ должен быть “пронзаемым” (*should be penetrable*) даже в отсутствие доказательства правонарушения».

24. Разумеется, были и возражения, даже при принятии решений о предоставлении «дополнительной помощи супругу» (*ancillary relief*). Наиболее значимым являлось мнение судьи Munby J. по делу *A v. A* [2007] 2 FLR 467, paras 18–19, где он обратил внимание на решительный подход, который всегда применялся судьями Family Division, «вглядывавшимися» сквозь мошеннические приготовления, предназначенные для сокрытия собственности на семейные активы через их закрепление за родственниками или компаниями, на самом деле владевшими этими активами в качестве номинальных собственников. Он предупредил против удаления от фундаментального юридического принципа: «В этом смысле и в этих пределах типичный случай в суде Family Division может отличаться от типичного случая (например) в суде Казначейства (*Chancery Division*). Но что важно осознавать (и что слишком часто, я боюсь, не осознается, по крайней мере, в этом отделении Высокого Суда) — это то, что соответствующие юридические принципы, подлежащие применению, в точности такие же в этом отделении Высокого Суда, как и в двух других. Нет одних правил относительно последствий злоупотребления доверием (*sham*) в суде Chancery Division и других правил по тому же вопросу в суде Family Division. Существует только один свод правил, связанных с последствиями введения в заблуждения, которые подлежат применению равным образом во всех трех отделениях Высокого Суда, так же, как если бы был единственный набор принципов, равным образом применимых во всех трех отделениях Высокого Суда, определяющих уместность “пронизывания” корпоративной вуали».

25. В деле *Ben Hashem v. Al Shayif* [2009] 1 FLR 115, другом решении судьи Munby J., различие между подходами, принятыми в Family Division

⁷ «If the company was a one-man company and the alter ego of the husband, I would have no difficulty in holding that there was power to order a transfer of the property».

⁸ «For the purpose of claims to ancillary financial relief the Family Division would lift the corporate veil not only where the company was a sham but “when it is just and necessary”».

⁹ «Cloak» означает «a sleeveless outdoor overgarment that hangs loosely from the shoulders»; «something serving to hide or disguise something» (*Oxford Dictionary of English*. 3rd edition / edited by Angus Stevenson. OUP, 2010. P. 327).

и в других отделениях Высокого Суда (*divisions of the High Court*), проявилось в особенно острой форме, поскольку он рассматривал заявление о «дополнительной помощи» в связи с производством в суде Chancery Division. В суде Family Division супруга добивалась приказа суда о передаче ей собственности, которая находилась в ее владении, но принадлежала компании, контролируемой ее мужем, тогда как в производстве суда Chancery компания добивалась приказа о вводе во владение (*possession order*) в отношении той же собственности. После внимательного исследования практики как по семейным, так и по иным делам и обращения к своему решению по делу *A v. A* судья Munby J. сформулировал шесть принципов, которые, по его мнению, могут быть выведены из этих дел: (i) собственность и контроль над компанией недостаточны для обоснования «пронизывания корпоративной вуали»; (ii) суд не может «пронзить корпоративную вуаль» даже при отсутствии интересов третьих лиц в отношении этой компании лишь потому, что сочтет это необходимым в интересах справедливости; (iii) «корпоративная вуаль» может быть «пронизана», только если есть некая неправомерность (*impropriety*); (iv) такая неправомерность (*impropriety*) должна быть, как указал Sir Andrew Morritt в деле *Trustor*, «связана с использованием структуры компании для избежания ответственности или ее сокрытия»; (v) для оправдания «пронизывания корпоративной вуали» должны наличествовать «как контроль правонарушителя над компанией, так и неправомерность (использования корпоративной структуры. — Прим. пер.), т. е. использование им компании как приспособления или фасада для сокрытия своего правонарушения»;¹⁰ и (vi) компания может быть «фасадом» (*facade*), хотя бы она и не была первоначально создана с намерением какого-либо обмана, при условии что она используется для цели обмана во время совершения соответствующих сделок. Суд, однако, «пронзит корпоративную вуаль» лишь постольку, поскольку это необходимо для предоставления средства защиты в связи с конкретным правонарушением, совершенным лицами, контролирующими компанию.

26. В деле *VTB Capital plc v. Nutritek International Corpn* [2012] 2 Lloyd's Rep 313 компания *VTB Capital* добивалась разрешения на направление уведомления о возбуждении производства по делу в отношении лица за пределами территории британской юрисдикции (*permission to serve proceedings out of the jurisdiction*¹¹) на том основании, что заемщик подлежал отождествлению с лицами, его контролирующими, так что последних следовало бы считать сторонами того же кредитного соглашения (*facility agreement*¹²). Эта

¹⁰ «Both control of the company by the wrongdoer(s) and impropriety, that is (mis)use of the company by them as a device or facade to conceal their wrongdoing».

¹¹ «Service» означает «the steps required by rules of court to bring documents used in court proceedings to a person's attention», «service out of the jurisdiction» означает «service of a claim form, petition, or application notice outside England and Wales. The rules concerning service out of the jurisdiction, obtaining permission of the court to serve out of the jurisdiction, and the procedure for serving out of the jurisdiction are set out in Part 6 of the Civil Procedure Rules. Under the Civil Jurisdiction and Judgments Act 1982 and the Judgments Regulations, service out of the jurisdiction on a defendant domiciled in a Regulation State does not need permission of the court. In other cases permission of the court may be granted if the grounds specified in the Civil Procedure Rules are satisfied. In general, some particular connection must be shown between the defendant or the subject matter of the proceedings and the jurisdiction of the English courts» (A Dictionary of Law. 7th ed. P. 503).

¹² Facility. 1. An agreement between a bank and a company that grants the company a line of credit with bank. This can either be a committed facility or an uncommitted facility. 2. An agreement between an issuer of short-term securities and underwriters who commit to

попытка провалилась в Апелляционном Суде, поскольку суд не был убежден в том, что именно таким будет последствие «пронизывания корпоративной вуали», хотя бы оно и было правомерным. Решение суда не является, таким образом, непосредственным руководством по вопросу о том, управомочен ли суд на «пронизывание корпоративной вуали». Но суд рассмотрел основные руководящие решения по вопросу и пришел к тем же выводам, что и сэр Andrew Morritt V.-C. и судья Munby J. Изложение судьей Munby принципов, допускающих «пронизывание корпоративной вуали», было принято Апелляционным Судом с учетом двух оговорок. Во-первых, по мнению суда, для пронизывания корпоративной вуали не является необходимым условием отсутствие другого средства защиты против нарушителя, и судья Munby J., утверждавший обратное, слишком высоко поднял планку. Во-вторых, для «пронизывания корпоративной вуали» недостаточно доказать наличие правонарушения. «Соответствующее нарушение должно иметь природу самостоятельного нарушения, совершенного с мошенническим или бесчестным использованием корпоративной личности компании для цели сокрытия истинных фактов».¹³ Аналогичным образом дело было рассмотрено Верховным Судом [2013] UKSC 5; [2013] 2 WLR 398, отклонившим апелляцию компании *VTB Capital*. Решение Суда по вопросу пронизывания корпоративной вуали было изложено лордом Neuberger. Он отметил наличие консенсуса среди судей и ученых в том, что в данном случае имеются обстоятельства, при которых обособленная юридическая личность компании может быть не принята во внимание и компания отождествлена с теми, кто владеет ею и контролирует ее. Однако он отказался высказать мнение, является ли этот консенсус правильным применительно к рассматриваемой апелляции, принимая во внимание, что, как и Апелляционный Суд, он полагал, что даже если бы «вуаль» и была «пронизана», это не привело бы к признанию лиц, контролирующих компанию, стороной заключенных данной компанией контрактов с третьими лицами. Но, как мне представляется, он принял как мотивировку Апелляционного Суда, так и мнение судьи Munby J. о том, что любая доктрина, позволяющая «пронизывание корпоративной вуали», должна быть ограничена теми случаями, когда имеет место соответствующее «ненадлежащее поведение» (*relevant impropriety*) (в связи с использованием корпоративной личности. — Прим. пер.).

27. На мой взгляд, принцип, согласно которому суд имеет основания для «пронизывания корпоративной вуали» в случаях, когда обособленная юридическая личность компании используется для цели определенного нарушения, вполне установился в руководящих судебных решениях. Верно и то, что большая часть формулировок этого принципа были высказаны среди прочего (*obiter*), поскольку «корпоративная вуаль» так и не была «пронизана». Также верно, что большинство дел, в которых корпоративная вуаль была «пронизана», могли бы быть разрешены и по другим основаниям. Но общее мнение о существовании определенных обстоятельств, допускающих «пронизывание корпоративной вуали», является впечатляющим. Со своей стороны, мне бы не хотелось опровергать существование такого общего убеждения. Это объясняется тем, что, как я полагаю, признание ограниченного права суда «пронизать корпоративную вуаль» в определенных

buy a security (A Dictionary of Finance and Banking. 4th ed. Oxford University Press. Jonathan Law BA (editor). 2008. P. 160).

¹³ «The relevant wrongdoing must be in the nature of an independent wrong that involves the fraudulent or dishonest misuse of the corporate personality of the company for the purpose of concealing the true facts».

обстоятельствах необходимо для того, чтобы право не оказалось безоружным перед лицом злоупотребления. При условии, что пределы данного права суда признаны и соблюдаются, это согласуется с общим подходом английского права к проблемам, возникшим в связи с использованием правовых концепций в целях нивелирования императивных юридических правил.¹⁴

28. Сложность состоит в определении того, что является «соответствующим нарушением» (*relevant wrongdoing*). Ссылки на такие понятия, как «фасад» (*facade*) или «обман» (*sham*), порождают слишком много вопросов. Мне кажется, что в основании этих изменчивых терминов лежат два разных принципа и немало замешательства было вызвано неудачными попытками провести различие между ними. Ради удобства они могут быть названы «принципом сокрытия» (*concealment principle*) и «принципом уклонения» (*evasion principle*). «Принцип сокрытия» юридически зауряден и не требует вовсе «пронизывания корпоративной вуали». Смысл его состоит в том, что введение компании или, быть может, нескольких компаний для сокрытия личности истинных действующих лиц не будет сдерживать суды от идентификации этих лиц, при условии, что их личность имеет отношение к делу.¹⁵ В таких делах позиция суда сводится не к непринятию во внимание «фасада», а только к обращению своего внимания на то, что стоит за этим «фасадом», для раскрытия фактов, скрываемых корпоративной структурой. «Принцип уклонения» (*evasion principle*) состоит в том, что суд может не принимать во внимание корпоративную вуаль, если есть некоторое законное право в отношении лица, контролирующего компанию, которое существует независимо от участия компании, а компания вводится в отношения таким образом, чтобы обособленная юридическая личность компании нивелировала это право или сделала тщетным его осуществление.¹⁶ Многие дела могут быть подведены под обе категории, но при определенных обстоятельствах различие между ними может оказаться решающим. Это может быть показано на тех делах, в которых суды, как принято считать, правильно это или нет, «пронзили корпоративную вуаль».

29. Первое и наиболее известное из них — дело *Gilford Motor Co Ltd v. Horne* [1933] Ch 935. М-р Е. В. Horne был управляющим директором компании Gilford Motor Co. Его контракт о найме на работу запрещал ему заниматься каким-либо конкурирующим бизнесом на определенной географической территории в течение пяти лет после увольнения «как лично, так и совместно с другими или в качестве агента другого лица, фирмы или компании». Он покинул компанию *Gilford* и стал заниматься конкурирующим бизнесом в соответствующей сфере, первоначально от своего имени. Затем он основал компанию, *J. M. Horne & Co Ltd*, названную по имени его супруги, в которой акционерами были она и партнер по бизнесу. Судья

¹⁴ «This is because I think that the recognition of a limited power to pierce the corporate veil in carefully defined circumstances is necessary if the law is not to be disarmed in the face of abuse. I also think that provided the limits are recognised and respected, it is consistent with the general approach of English law to the problems raised by the use of legal concepts to defeat mandatory rules of law».

¹⁵ «It is that the interposition of a company or perhaps several companies so as to conceal the identity of the real actors will not deter the courts from identifying them, assuming that their identity is legally relevant».

¹⁶ «It is that the court may disregard the corporate veil if there is a legal right against the person in control of it which exists independently of the company's involvement, and a company is interposed so that the separate legal personality of the company will defeat the right or frustrate its enforcement».

Farwell J. признал, что компания была учреждена таким образом для ведения бизнеса под контролем м-ра Horne, но без несения ответственности за нарушение соглашения с его бывшим работодателем. Однако в действительности, по мнению судьи, компания использовалась как «канал, через который ответчик Horne осуществлял его бизнес». В итоге суд отклонил иск на том основании, что ограничительное соглашение было ничтожно. Но Апелляционный Суд поддержал апелляцию и предоставил судебный запрет (*injunction*) как против м-ра Horne, так и против компании. В отношении м-ра Horne запрет (*injunction*) был предоставлен на основании «принципа сокрытия» (*concealment principle*). Лорд Hanworth M. R. сказал, в частности, что компания являлась «лишь покровом или притворством» (“*mere cloak or sham*”), поскольку в действительности бизнес вел м-р Horne. Поскольку ограничительное соглашение запрещало м-ру Horne конкурировать с его первоначальными работодателями, будь то в форме принципа или агента для другого, не имело значения, принадлежал ли бизнес ему или компании *J. M. Horne & Co Ltd*, с учетом того, что бизнес находился в его руках. Единственной целью учреждения компании являлось поддержание иллюзии ведения бизнеса другими лицами. Лорд Hanworth не объяснил, почему судебный запрет следовало издать также в отношении компании, но я полагаю, это ясно из мнений судей Lawrence и Romer L. J. J., которые применяли «принцип уклонения» (*evasion principle*). Судья Lawrence L. J., предоставивший наиболее полное суждение по этому вопросу, основывал свой взгляд полностью на мотивах уклонения ответчика от ограничительного соглашения, для чего им и была учреждена компания. Это доказывало, что данная компания была «лишь каналом, использованным ответчиком Horne для того, чтобы дать ему возможность ради его личной выгоды получить преимущество в виде покупателей компании-истца и что таким образом компания-ответчик должна быть ограничена так же, как и ответчик Horne». Иными словами, компания была ограничена в ведении бизнеса для того, чтобы гарантировать лишение м-ра Horne выгоды, которую он мог бы в ином случае извлечь из обособленной юридической личности компании. Я согласен со взглядом Апелляционного Суда, выраженным в деле *VTB Capital*, о том, что этот случай верно считать решением «пронзить корпоративную вуаль». Справедливо будет сказать, что эта точка зрения могла бы быть признана представителем стороны, хотя и в более осторожных терминах («если доказательства допускали вывод о том, что сделанное было лишь покровом или притворством»). Также является верным, что суд в деле *Gilford Motor Co* мог бы оправдать судебный запрет против компании на том основании, что знание м-ра Horne надлежит вменить его компании, тем самым сделав поведение последней бессовестным или вредоносным, что оправдывало бы предоставление против компании средства защиты по праву справедливости (*equitable remedy*). Но прецедент является руководством относительно того, как дело было решено, а не как оно могло бы быть решено, и, по моему мнению, принцип, примененный Апелляционным Судом, был правилен. Из решения не следует, что компания *J. M. Horne & Co Ltd* должна была быть отождествлена с м-ром Horne для какой-либо иной цели. Например, личные кредиторы м-ра Horne не могли бы считаться управомоченными благодаря одним лишь фактам, установленным судьей Farwell J., получить удовлетворение их требований в отношении активов компании.

30. *Jones v. Lipman* [1962] 1 WLR 832 является очень похожим делом. М-р Lipman продал истцам собственность за £5250, а затем, передумав, продал ту же собственность компании *Alamed Ltd* за £3000, для того чтобы

сделать невозможным для истца добиться принудительного исполнения сделки (*specific performance*). Судья Russell J. установил, что компания полностью принадлежала и контролировалась м-ром Lipman, который приобрел ее у третьих лиц и обеспечил передачу ей титула собственности «единственно ради цели сделать тщетным право истцов на принудительное исполнение сделки». Примерно половина покупной цены, подлежащей уплате компанией *Alamed*, была профинансирована за счет займа в банке, а остаток остался непогашенным. Суд принял решение о принудительном исполнении первоначальной сделки (*specific performance*) в отношении как м-ра Lipman, так и компании *Alamed Ltd*. В отношении м-ра Lipman это решение было основано на принципе сокрытия (*concealment principle*). Поскольку м-р Lipman владел компанией *Alamed Ltd* и контролировал ее, он занимал позицию, позволяющую ему исполнить его обязательства перед истцами посредством осуществления его полномочий в отношении компании. Эта ситуация не означала «пронизывания корпоративной вуали», но только обозначала м-ра Lipman как лицо, контролирующее компанию. Компания, как многозначительно указал судья Russell J., была «устройством или притворством, маской, которую м-р Lipman держал перед своим лицом, пытаясь избежать его обнаружения оком справедливости». С другой стороны, в отношении самой компании *Alamed Ltd* решение суда было основано на «принципе уклонения» (*evasion principle*), со ссылкой на решение Апелляционного Суда по делу *Gilford Motor Co*. Судья, должно быть, решил, что при таких обстоятельствах компанию следует рассматривать как имеющую те же обязательства по передаче собственности истцу, как и у м-ра Lipman, даже если она и не являлась стороной договора продажи. Следует отметить, что суд вынес решение о принудительном исполнении сделки против компании, несмотря на то что в результате этой сделки основной кредитор компании, а именно банк, был поставлен в худшее положение в связи с утратой того, что, как следует из решения, являлось единственным активом компании, если не принимать во внимание возможность личного иска банка против м-ра Lipman, который он мог и не удовлетворить. Такое решение можно было бы считать неблагоприятным для банка, но это не худшее по сравнению с выводом о том, что компания и вовсе не являлась бенефициарным собственником. Банк мог бы себя защитить, предоставив деньги на условиях обременения или зарегистрировав договор продажи.

31. В деле *Gencor ACP Ltd v. Dalby* [2000] 2 BCLC 734 истец подал большое количество исков против первоначального директора м-ра Dalby за присвоение им денег компании. Для настоящих целей имеет значение иск о взыскании секретного дохода, который по поручению м-ра Dalby уплатило третье лицо, *Balfour Beatty*, на счет компании *Burnstead*, расположенной на Британских Виргинских островах и находящейся под контролем ответчика. Судья Rimer J. признал, что м-р Dalby подлежал ответственности за деньги, полученные компанией *Burnstead*, на том основании, что последняя «по сути, мало чем отличалась от офшорного банковского счета м-ра Dalby на имя номинального владельца» и была «просто... alter ego, посредством которого Mr Dalby пользовался выгодой, полученной им в результате нарушения его фидуциарной обязанности по отношению к компании *ACP*». Судья Rimer J. вынес решение об уплате истцу денежных сумм против как м-ра Dalby, так и компании *Burnstead*. Суд полагал, что тем самым была «пронизана корпоративная вуаль». Но я так не считаю. Установленные судом факты об отношениях между м-ром Dalby и его компанией и анализ правовых последствий показывают, что как м-р Dalby, так и компания *Burnstead* несли самостоятельную финансовую ответственность перед компанией *ACP*, хотя

бы на том основании, что ответчики были обособленными юридическими лицами. Если, как признал суд, компания *Burnstead* являлась номинальным владельцем в интересах м-ра Dalby для цели получения и владения секретной выгодой, то из этого следовало, что компания *Burnstead* не имела никакого права на эти деньги по сравнению с м-ром Dalby, который получил их через компанию *Burnstead* и обоснованно мог быть обязанным отчитаться за эти деньги перед компанией *ACP*. Компания *Burnstead* сама по себе несла ответственность перед компанией *ACP*, поскольку, как указал суд, знание м-ра Dalby о «первоначальном интересе истца в этих деньгах, основанном на праве справедливости» (*prior equitable interest*) надлежало вменить и компании, контролируемой ответчиком. Как отметил судья Rimer J., «введение в эту историю такой сотворенной компании недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать оку справедливости отождествить ее с мистером Dalby». Это и есть в действительности «принцип сокрытия» (*concealment principle*). Правильный анализ ситуации состоит в том, что суд отказался быть сдержанным юридической личностью компании от раскрытия истинных фактов о ее правовых отношениях с м-ром Dalby. Суд признал, что природа их отношений явилась основанием для традиционных исков по праву справедливости против обоих (*ordinary equitable claims against both*). Результат был бы с точностью таким же, если бы *Burnstead* вместо компании был физическим лицом, скажем, дядей м-ра Dalby, чье обособленное существование не вызывает никаких сомнений.

32. Подобное смешение концепций явствует и в проведенном сэром Andrew Morritt V.-С. анализе по делу *Trustor AB v Smallbone (No 2)* [2001] 1 WLR 1177, который я уже рассмотрел. Изложение вице-канцлером принципа, согласно которому суд вправе «пронзить корпоративную вуаль», если компания использовалась как «устройство или фасад для сокрытия истинных фактов, тем самым для избежания или сокрытия всякой ответственности отдельных лиц», упускает из виду совершенно разные концепции «сокрытия» и «уклонения». Насколько я понимаю его мотивировку, решение против м-ра Smallbone было основано на принципе «сокрытия» (*concealment principle*). На ранней стадии разбирательства было установлено, что компания *Introcom* являлась «просто средством, которое м-р Smallbone использовал для получения денег из компании *Trustor*», и что компания была «устройством или фасадом» для сокрытия этого факта. На этом основании компания получала деньги от имени м-ра Smallbone. Такой вывод не означает «пронизывания корпоративной вуали» и не зависит от установления какого-либо «ненадлежащего поведения». Это было лишь применением принципа, сформулированного вице-канцлером в параграфе 19 его решения, а именно что получение денег компанией будет считаться получением средств ее акционером, если компания получила эти деньги как его агент или номинальный владелец, за исключением случая, когда компания получила средства в своем собственном праве. Для решения данного вопроса необходимо было установить факты, демонстрирующие истинные правовые отношения между м-ром Smallbone и компанией *Introcom*. Контроль и владение м-ра Smallbone компанией *Introcom* были только одними из таких фактов, к тому же не имеющими решающего значения. Другие факторы включали также обстоятельства получения средств и их источник и природу иных сделок компании, если таковые были.

33. В деле *Trustor*, так же как и в деле *Gencor*, юридический анализ мог бы быть таким же и в том случае, если бы *Introcom* вместо компании была физическим лицом. «Принцип уклонения» (*evasion principle*) не был задействован и не мог бы быть задействован, судя по фактам каждого из дел. Это

объясняется тем, что ни м-р Dalby, ни м-р Smallbone не использовали обособленную юридическую личность компании для того, чтобы избежать ответственности, которую в противном случае им предстояло бы понести. Они были обязаны понести ответственность за получение денег только в том случае, если бы было доказано получение компанией денег в качестве их агента или номинального владельца. И это было доказано в обоих делах. Если бы это было не так, не было бы никакого получения средств (*receipt*), «сознательного» или иного (*knowing or otherwise*), и, таким образом, никакого иска, от которого можно было бы уклониться. Это была иная ситуация, отличная от дел *Gilford Motor Co v. Horne* и *Jones v. Lipman*, поскольку в данных делах реальные действующие лица — Mr Horne и Mr Lipman — несли ответственность, возникшую независимо от вовлечения компании.

34. Эти соображения отражают более широкий принцип, согласно которому «корпоративная вуаль» может быть «пронизана» только для того, чтобы предотвратить злоупотребление юридической личностью корпорации. Таким злоупотреблением обособленной юридической личностью может быть ее использование для обхода права или для того, чтобы сделать его осуществление тщетным. Не является злоупотреблением отнесение юридической ответственности на компанию как на ответственное в первую очередь лицо. Не является также злоупотреблением полагаться на то обстоятельство, что контролирующее компанию лицо не несет ответственности, поскольку это ответственность самой компании. Напротив, это как раз и есть смысл учреждения корпорации. Так, в деле *VTB Capital*, где утверждалось, что «корпоративная вуаль» должна быть «пронизана» для того, чтобы сделать контролирующих компанию лиц солидарно ответственными (*jointly and severally liable*) по заключенному компанией договору, основополагающим возражением против этого довода было то, что данный принцип используется для создания новой ответственности, которая бы в ином случае не существовала. Возражение в отношении такого аргумента очевидно в случае добровольной ответственности по договору, поименованные стороны которого никогда не намеревались видеть кого-либо еще стороной их сделки. Но то же возражение равным образом имело бы силу и в случае, если бы спорная ответственность не была основана на договорном соглашении.

35. Я прихожу к выводу о существовании в английском праве ограниченного принципа, применяемого в случаях, когда лицо, являющееся стороной действующего обязательства, несущее ответственность или находящееся под действующим юридическим ограничением, намеренно их обходит или умышленно делает их осуществление тщетным посредством введения в соответствующие юридические отношения компании под его контролем. Суд вправе «пронзить корпоративную вуаль» для цели (и только ради этой цели) лишения компании или контролирующего ее лица того преимущества, которое они в противном случае могли бы получить посредством обособленной юридической личности компании. Этот принцип верно описывается как ограниченный, поскольку почти в каждом случае, когда налицо основания его применения, фактические обстоятельства будут на практике раскрывать правовое отношение между компанией и контролирующим ее лицом, которое сделает ненужным «пронизывание корпоративной вуали».¹⁷ Подобно судье Munby J. в деле *Ben Hashem*, я считаю,

¹⁷ «I conclude that there is a limited principle of English law which applies when a person is under an existing legal obligation or liability or subject to an existing legal restriction which he deliberately evades or whose enforcement he deliberately frustrates by interposing a company under his control. The court may then pierce the corporate veil for the purpose,

что если «пронизывание корпоративной вуали» не является необходимым, то делать это неуместно, поскольку в таком случае отсутствует императив публичной политики, который бы оправдывал данный курс. Таким образом, я не согласен с Апелляционным Судом в деле *VTB Capital*, который пришел к иному выводу (para 79). По всем этим причинам принцип («пронизывания вуали». — *Прим. пер.*) признавался судами гораздо чаще, нежели он был на самом деле ими применен, однако я полагаю, является согласным с руководящей практикой и с давно установившимися принципами правовой политики признание малой остаточной категории дел, в которых ответом на злоупотребление «корпоративной вуалью» для обхода права или для того, чтобы сделать тщетным его осуществление, может быть только непринятие во внимание юридической личности компании.

36. В настоящем деле судья *Moilan J.* признал, что он не может «пронзить корпоративную вуаль» согласно общему правилу в отсутствие соответствующего «ненадлежащего поведения», и отказался установить наличие такового в данном случае. По моему мнению, он был прав в этом отношении. Бывший супруг действовал ненадлежаще во многих отношениях. Во-первых, он использовал активы компании для собственной выгоды, но при этом он не занимался ни сокрытием, ни уклонением от каких-либо юридических обязательств перед его женой. Не занимался он, говоря более обобщенно, и сокрытием или уклонением от права, касающегося распределения супружеских активов после прекращения брака. Это не означает, что суду не следует принимать во внимание юридическую личность компаний с таким же безразличием, как это делал супруг. Во-вторых, супруг использовал непрозрачность корпоративной структуры *Petrodel Group* для того, чтобы затем отрицать свое владение ею. Это является, как указал судья, «просто представлением супругом ложных доказательств». Такой вывод может повлечь применение принципа «сокрытия» (*concealment principle*), но это лишь означает, что суд должен установить скрытую супругом правду, что и было сделано. Основная проблема в данном деле состоит в том, что юридический титул на собственность принадлежит компаниям, а не бывшему супругу. Компании были наделены титулом собственности задолго до прекращения брака. Какие бы ни были у супруга причины для организации дел таким образом, нет никаких доказательств того, что он добивался тем самым уклонения от какого-либо из обязательств, имеющих отношение к настоящему делу. Суд признал, что его целями были «защита состояния и снижение налогового бремени». Из этого следует, что «пронизывание корпоративной вуали» не может быть мотивировано в данном деле ссылкой на какой-либо общий принцип права.

СЕКЦИЯ 24(1)(А) АКТА О СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ 1973 г.
(MATRIMONIAL CAUSES ACT 1973)

37. Если нет какого-либо обоснования для «пронизывания корпоративной вуали» исходя из общего правового принципа, я не нахожу возможным считать, что специальный и более широкий принцип применяется

and only for the purpose, of depriving the company or its controller of the advantage that they would otherwise have obtained by the company's separate legal personality. The principle is properly described as a limited one, because in almost every case where the test is satisfied, the facts will in practice disclose a legal relationship between the company and its controller which will make it unnecessary to pierce the corporate veil».

в семейных спорах в силу секции 24(1)(а) Акта о семейных спорах 1973 г. Формулировка этого положения Акта ясна. Она наделяет суд правом обязать одну сторону брака передать другой стороне «собственность, в отношении которой первая сторона имеет право (*property to which the first-mentioned party is entitled*), как находящуюся в ее владении, так и подлежащую возврату в дальнейшем (*either in possession or reversion*)». Правомочие (*entitlement*) — это юридическое право (*legal right*) в отношении спорной собственности. Слова «*in possession or reversion*» показывают, что такое право является проприетарным (*proprietary right*), основанным на законе (*legal*) или на праве справедливости (*equitable*). Эта секция Акта обращается к концепциям с установленным правовым значением и с признанными юридическими случаями их применения. Суды, рассматривая семейные споры, «находятся не на необитаемом острове», где общепринятые правовые концепции были бы отложены в сторону или означали бы нечто иное. Если право собственности существует, оно существует во всех отделениях Высокого Суда и в каждой юрисдикции окружного суда. Если право собственности не существует, его нет нигде. Также верно будет добавить, что даже в тех случаях, когда суды, рассматривавшие семейные споры, притязали на более широкую юрисдикцию для «пронизывания корпоративной вуали», нежели признаваемую общим правом, эти суды обычно не заявляли, что такое право может быть основано на секции 24 Акта о семейных спорах. Напротив, в деле *Nicholas v. Nicholas* [1984] FLR 285, 288, *Cumming-Bruce L. J.* указал прямо противоположное.

38. Этот анализ не затрагивается положениями секции 25(2)(а) Акта о семейных спорах 1973 г. Секция 25(2)(а) требует от суда при осуществлении им полномочий согласно секции 24 принимать во внимание «доход, способность к зарабатыванию средств, собственность и иные финансовые ресурсы, которые каждая из сторон брака имеет или вероятно будет иметь в обозримом будущем». Широта и всеобъемлющий характер этого определения соответствующих ресурсов сторон брака означает, что владение и контроль одного из супругов в отношении компании и практическая способность извлечь деньги или их эквивалент из компании бесспорно должны приниматься судом при оценке того, каковы в действительности ресурсы данного супруга. Это может отразиться на размере единовременного или периодических платежей или на решении о том, какая собственность подлежит передаче другому супругу. Но из того обстоятельства, что состояние одного из супругов может быть увеличено за счет его доступа к активам компании, не следует возможность передачи таких активов другому супругу по правилам секции 24(1)(а) Акта о семейных спорах.

39. Судья *Moynan J.* пришел к выводу, что для обоснования его приказа передать собственность супруге достаточно наличия у бывшего супруга практической возможности обеспечить такую передачу, независимо от того, являлся он или нет бенефициарным собственником данных активов. Он решил, что это обстоятельство было установлено в настоящем деле благодаря той власти, которой обладал супруг над компаниями в связи с владением и контролем над ними. Судья не сделал никаких выводов относительно того, находились ли активы корпоративных ответчиков в трасте в пользу супруга за исключением семейного дома на *Warwick Avenue*, который судья признал бенефициарно принадлежащим супругу. Суд пришел к выводу, что активы компаний были на деле собственностью супруга, поскольку он рассматривал их как свои собственные. Супруг «мог обеспечить распоряжение ими по своему усмотрению, будучи лицом, контролирующим компании, и единственным бенефициарным собственником».

Судья признал, что согласно корпоративному праву супруг как акционер обладал не более чем правом участия в доходах компании в соответствии с ее уставом, что не предоставляло супругу какого-либо права на конкретную собственность компании. «Но что если акционер фактически может обеспечить отчуждение конкретного предмета собственности компании, такого как семейный дом, — сформулировал вопрос судья, — в результате контроля и владения компанией и отсутствия интересов каких-либо третьих лиц?». Ответ судьи на этот вопрос состоял в том, что «цель и намерения» Акта о семейных спорах 1973 г. заключаются в том, что активы компаний следует рассматривать как часть семейного богатства. «По сути», указал судья, «супруг, применительно к компаниям и их активам, находится в том же положении, как если бы он был *бенефициаром* “простого траста” или как если бы компании были его номинальными владельцами» («if he was *the beneficiary* of a bare trust¹⁸ or the companies were his nominees¹⁹»).

40. Так же как и Апелляционный Суд, я не могу с этим согласиться. Судья был вправе учесть владение и контроль супруга в отношении компаний и его неограниченный доступ к активам компаний при оценке ресурсов супруга для цели применения секции 25(2)(а). Но он не вправе был обязать передать активы компаний бывшей супруге для погашения единовременного платежа ее супруга просто посредством применения секции 24(1)(а). У меня нет сомнений в том, что толкование секции 24(1)(а) сложилось под влиянием ее цели и социального контекста, так же как и ее языка. Кроме того, я не сомневаюсь, что цель данной секции — достичь надлежащего распределения семейных активов. Но из этого не следует, что суды ни перед чем не остановятся в их стремлении к такой цели, и есть целый ряд принципиальных причин для отрицания того эффекта, который судья признал за этой секцией Акта. Во-первых, является аксиоматичным правило о том, что общие положения закона не должны толковаться таким образом, чтобы «ниспровергать фундаментальные принципы, нарушать права или отклоняться от общей системы права без выражения намерения закона с максимальной ясностью». Это слова лорда Atkin в деле *Nokes v. Doncaster Amalgamated Collieries Ltd* [1940] AC 1014, 1031–1032, однако данный принцип очень известен и был неоднократно повторен судами во многих случаях и в каждой инстанции. Ни в Акте о семейных спорах, ни в его цели или в более широком социальном контексте нет ничего, что бы указывало на намерение законодателя допустить передачу одной стороной брака другой стороне собственности, которая бы первой не принадлежала. Во-вторых, передача собственности в таком виде, как правило, не будет необходимой для цели справедливого распределения семейных активов. В случаях, когда активы принадлежат компании, которой владеет одна из сторон брака, соответствующие требования другой стороны могут быть удовлетворены через обязанность передать ей акции этой компании. Верно и то, что такой вариант не всегда будет возможным, особенно в делах, подобных

¹⁸ «Bare trust (naked trust, simple trust). A trust under which the trustee is under no obligation except to hold the trust property in trust for an adult beneficiary who is *sui juris* and to deal with the trust property only as instructed by the beneficiary. A bare trustee is therefore a nominee. Where assets are held on a bare trust, the capital gains tax charge arises on the beneficiary and not on the trustee. For capital gains tax purposes, a trust is treated by statute as a bare trust if the beneficiary has the exclusive right to require the property to be passed to him, subject only to satisfying any outstanding charge, lie, or other right» (A Dictionary of Law, 7th ed. P. 54).

¹⁹ «Nominee. A party who holds legal title to property for the benefit of other(s) but who has no real duties to perform, except very limited ones upon the direction of the beneficiaries» (Ibid. P. 369).

настоящему, где как акционер, так и его компания являются иностранными резидентами и находятся там, где едва ли вердикты английского суда будут исполняться. В век международной мобильности супругов и их активов это гораздо более значимая проблема, нежели когда-либо, однако такие дела остаются скорее исключением, нежели правилом. Секция 24 не может быть истолкована таким образом, как если бы она была посвящена данной проблеме. В-третьих, в той мере, в какой сторона семейного спора через отчуждение активов намеренно пытается сделать тщетные осуществление судом его полномочий, секция 37 Акта о семейных спорах предусматривает при определенных обстоятельствах возможность признания таких сделок недействительными. Секция 37 является ограниченным положением, которое несущественно затрагивает данную проблему, но это именно тот уровень, который был готов признать законодатель.

41. Признание юрисдикции, которую судья хотел осуществить в настоящем деле, означало бы игнорирование установленных законом правил корпоративного права и права несостоятельности. Эти правила включают разработанные положения, регулирующие возврат капитала акционерам, и иные формы сокращения капитала, а также устранение в рамках процедуры несостоятельности последствий ненадлежащего распоряжения активами компании. Указанные правила существенны для защиты лиц, вступающих в сделки с компаниями, в особенности, если это торговая компания, подобно компаниям *PRL* и *Vermont*. Следствием приказа судьи в настоящем деле является наделение супруги статусом кредитора с обеспеченными требованиями. Не может быть признано решением данной проблемы, как иногда упоминалось в делах о «дополнительной финансовой помощи» (*ancillary financial relief*), утверждение о том, что суд будет учитывать известных кредиторов. Истина состоит в том, что в случае с торговой компанией, принимающей и исполняющей значительные обязательства в ходе ее бизнеса, суд, рассматривающий семейные споры, не наделен полномочиями по ведению своего рода «умозрительной ликвидации», сопровождаемой детальным внутренним расследованием и широкой публичностью для установления обязательств компании. В настоящем деле сложность усугубляется тем обстоятельством, что последняя финансовая отчетность компаний, которая, на первый взгляд, не является недостоверной, — более чем пятилетней давности. В определенной мере это вина мужа и его компаний, однако от этого едва ли будет легче кредиторам компаний с неудовлетворенными требованиями, у которых нет информации о состоянии брачных отношений акционера или о производстве в суде по семейным спорам. Из установленных судом фактов ясно, что данный конкретный супруг свободно распоряжался активами компаний как если бы они были его. Это было в его власти, поскольку никто не мог его остановить. Но, как отметил судья, он всегда думал о том, есть ли у него право действовать таким образом, тогда как по закону такого права у него не было. Единственный акционер или все акционеры могут одобрить глупое или неосторожное решение в рамках обычного ведения бизнеса, по крайней мере, пока компания является платежеспособной: *Multinational Gas & Petrochemical Co v. Multinational Gas & Petrochemical Services Ltd* [1983] Ch 258. Но даже и они не могут дать юридически действительное согласие на присвоение ими же активов компании для целей, которые не являются целями компании: *Belmont Finance Corpn Ltd v. Williams Furniture Ltd* [1979] Ch 250, 261 (Buckley L. J.), *Attorney General's Reference (N 2 of 1982)* [1984] QB 624, *Director of Public Prosecutions v. Gomez* [1993] AC 442, 496–497 (Lord Browne-Wilkinson)). М-р Prest является, конечно, не первым и определенно

не последним лицом, игнорирующим обособленную личность его компании и присваивающую ее активы. Но применение судом своей власти в целях придания правомерности присвоению активов компании для удовлетворения личных обязательств акционера перед его супругой в обстоятельствах, когда компания не только не выражала согласия с таким курсом, но и активно сопротивлялась ему, являлось бы, как мне кажется, еще более значимым расхождением с принципом.

42. Можно было бы сказать, как это сделал судья, что порядок ведения дел компании означает отсутствие реального существования «корпоративной вуали». Проблема состоит в том, что если, как решил судья, собственность компании есть собственность, в отношении которой ее единственный акционер «управомочен, будь то собственность в его владении или подлежащая возврату впоследствии» (*entitled, either in possession or reversion*), то так же будет даже в том случае, когда единственный акционер уважает обособленную личность компании и требования Закона о компаниях, и даже в том случае, когда нет ни одного из исключительных обстоятельств, которые оправдывали бы «пронизывание корпоративной вуали». Данное утверждение может быть мотивировано только посредством заявления о том, что корпоративная вуаль не имеет значения, если супруг является единственным контролирующим компанию лицом. Но это, очевидно, не является правом.

БЕНЕФИЦИАРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

43. Из приведенного анализа следует, что единственным основанием, по которому компании могут быть обязаны передать супруге собственность на семь спорных объектов, является бенефициарная принадлежность этих объектов супругу в результате особых обстоятельств, при которых спорные объекты собственности были приобретены компаниями. Только в таком случае данные объекты будут считаться собственностью, в отношении которой супруг «управомочен, будь то собственность в его владении или подлежащая возврату впоследствии» (*entitled, either in possession or reversion*). Этот вопрос судья рассматривать отказался. Но с учетом того, что судья оказался неправ относительно пределов секции 24(1)(a), указанный вопрос должен быть разрешен сейчас. Ответ на него требует исследования доказательств, которые неполны и в решающих аспектах неясны. Верное решение дела зависит, таким образом, от того, какие презумпции могут быть сделаны в отношении супруга с учетом того, что неполный характер материала почти всецело обусловлен его упорным уклонением и лживостью.

44. В деле *British Railways Board v. Herrington* [1972] AC 877, 930–931, лорд Diplock, рассматривая вопрос ответственности железнодорожной компании за вред, понесенный на линии, сказал следующее: «Апеллянты, будучи публичной корпорацией, предпочли не вызвать ни одного свидетеля, таким образом лишив суд всякого позитивного доказательства относительно того, было ли состояние ограды и прилегающей территории замечено каким-либо служащим компании и что этот или другие служащие компании решили или сделали в данном отношении. Таков законный ход действий в соответствии с нашей системой разбирательства, основанной на состязательности. Но ответчик, который принимает эту систему, не может жаловаться, если суд делает свои выводы на основании раскрытых фактов относительно обстоятельств, которые ответчик предпочел не обнаруживать. Суд может сделать вывод, что железнодорожная линия

регулярно патрулировалась путейщиками. В отсутствие доказательств обратного суд вправе сделать вывод, что один или несколько из них в течение нескольких недель замечали то, что мог видеть каждый. Всякий, имеющий разумный смысл, осознавал бы опасность, которую создает расположение ограды рядом с путями, для детей, приходящих поиграть на лугу. Поскольку апеллянты предпочли не вызывать в свидетели ни одного из тех лиц, которые патрулировали линию, нет ничего, что могло бы опровергнуть вывод суда о том, что они не могли не осознавать опасность. Соответственно, суд вправе из бездействия апеллянтов сделать вывод, что один или некоторые из их работников сознательно допустили риск проникновения детей через ограду и получения ими вреда, в том числе смертельного, нежели обеспокоиться состоянием изгороди и понести расходы на устранение дыры в ней».

Суды стремились отступить от некоторых более резких частей данного высказывания, которые представляются направленными на превращение неопределенных предположений в выводы о фактах. Для того чтобы суд мог сделать полезные выводы из неспособности стороны оспорить доказательства, в этих доказательствах должны быть разумное основание для гипотезы или подразумеваемая вероятность. Со своей стороны, я бы принял, с оговорками, более взвешенный взгляд, выраженный лордом Lowry в деле *R v. Inland Revenue Commissioners, Ex p TC Coombs & Co* [1991] 2 AC 283, 300: «В нашей правовой системе в целом считается, что молчание стороны перед лицом свидетельства другой стороны может превратить данное свидетельство в доказательство по вопросам, которые относятся или могут относиться к сфере знания молчащей стороны и по которым от этой стороны можно ожидать представления ее свидетельств. Так, в зависимости от обстоятельств, то, что представляется обоснованным “на первый взгляд”, может стать “сильным” или даже “несокрушимым”. Однако, если непредставление молчащей стороной ее доказательств (или непредставление необходимого доказательства) может быть убедительно объяснено, хотя бы это и не было полностью оправдано, положительный для другой стороны эффект такого молчания может быть уменьшен или вообще отсутствовать».

45. В исках о предоставлении дополнительной финансовой помощи в семейных спорах состязательность имеет свои важные особенности. Существует публичный интерес в надлежащем поддержании супруги ее бывшим мужем, в особенности (но не только) когда затрагиваются интересы детей. Отчасти по этой причине разбирательства по семейным спорам, хотя и состязательные по своей форме, имеют существенный «инквизиционный» элемент. Семейные финансы обычно являются сферой ответственности супруга, так что хотя бывшая жена и является технически истцом, она в действительности зависит от раскрытия доказательств супругом для установления того, на что она может притязать. Концепция бремени доказывания, которая всегда была одним из главных факторов, затрудняющих получение судом выводов против другой стороны из одного только отсутствия доказательств или отсутствия их раскрытия, не может быть применена таким же образом к разбирательству настоящего типа, как бывает в обычном гражданском процессе. Эти соображения не являются основанием для того, чтобы руководствоваться чистыми домыслами. Но судьи, рассматривающие семейные споры, вправе полагаться на свой опыт и учитывать свойственное данным спорам вероятное положение дел при решении того, что, скорее всего, скрывает уклоняющийся от раскрытия информации супруг. Я говорю о бывшем муже, поскольку именно он

обычно является экономически господствующей стороной, но, конечно, те же соображения применяются к любому экономически господствующему супругу, кем бы он ни был.

46. Из установленных судьей фактов усматривается следующее приобретение объектов недвижимости в Лондоне:

Декабрь 1995 г. Квартира 4 (Flat 4, 27 Abbey Road) была передана супругом в собственность компании *PRL* за £1. Она была куплена им в 1991 г., перед браком и до инкорпорации компании *PRL*. Эта собственность обременена в пользу *Ahli United Bank* и *BNP Paribas* для обеспечения займов, предоставленных компании *PRL*. Ни супруг, ни компания *PRL* не подчинились приказам суда по раскрытию заемного соглашения и связанных с ним документов. Квартира 5 (Flat 5, 27 Abbey Road) была передана в собственность компании *PRL* в тот же день, также за £1, младшим братом супруга Мишелем. Квартира была куплена в марте того же года за £48 650 на имя Мишеля. Согласно доказательству супруги в то время Мишель был студентом в Лондоне, не имевшим существенных активов, и его поддерживал ответчик — супруг. По ее показаниям, бывший супруг убедил ее в том, что эта квартира была приобретена на его средства.

Март 1996 г. Квартира 2 (Flat 2, 143 Ashmore Road) — собственность (*leasehold property*), отчужденная супругой компании *PRL* за £1. Первоначально она была приобретена супругом в ноябре 1992 г. на имя некоего *Jimmy Lawrence*. Информация об этом человеке или о причинах его вовлечения в сделку отсутствует. Согласно показаниям супруга деньги на покупку поступили из компании *PRL*, но поскольку компания *PRL* не была инкорпорирована в течение еще шести месяцев, это не может быть верным. Не совсем ясно, когда или как данное владение (*the lease*) было отчуждено на имя супруги, которая затем должна была подписать сделку передачи квартиры в собственность компании *PRL*, однако она ничего не помнит об участии в этой сделке или о владении данной собственностью.

В 1998 г. супруга произвела передачу компании *PRL* титула собственности (*interest in the freehold*) на владение 143, Ashmore Street. Собственность (*freehold*) первоначально была приобретена в 1996 году на имя супруги и некоей *Esta Blechman*, владевшей другой квартирой в здании. Информация об оплате квартиры, произведенной в 1996 или 1998 гг., отсутствует. Согласно показаниям бывшего мужа денежные средства для приобретения у супруги ее титула на это владение поступили в 1996 г. из компании *PRL*.

Август 2000 г. Квартира 6 (Flat 6, 62–64 Beethoven Street) была передана в собственность компании *PRL* супругом за £85 000. Изначально он приобрел ее в 1988 г. (до брака) за £70 500. На этой собственности лежит обременение в обеспечение займов, предоставленных *Ahli United Bank* и *BNP Paribas*.

Май 2001 г. Семейный дом (*matrimonial home*), 16 Warwick Avenue, был приобретен на имя компании *PRL* за £1,4 млн и впоследствии отремонтирован на сумму около £1 млн. Судья отклонил доказательства супруга о том, что покупная цена и стоимость ремонта были профинансированы компанией *PRL*, поскольку на том этапе компания не начала торговые операции. Судья установил, что они были профинансированы из бонусов, полученных мужем на этом этапе, предположительно от его последнего работодателя до учреждения им своего бизнеса. Судья пришел к выводу, что компания *PRL* всегда владела данной собственностью в виде траста для супруга, и этот вывод не оспаривается в настоящей апелляции. Указанная собственность обременена для обеспечения займов, предоставленных

банками *Ahli United Bank* и *BNP Paribas*. В соответствии с приказом судьи компания *PRL* сейчас передала титул на эту собственность бывшей жене, но с обременениями.

Июль 2001 г. Квартира 310 (Flat 310, Pavilion Apartments) была приобретена на имя компании *Vermont* за £635 000. Судья установил, что денежные средства были извлечены из компании *PRL*.

Январь 2004 г. Владение 11, South Lodge, Circus Road, приобретено на имя компании *Vermont* за £700 000. Судья установил, что денежные средства в оплату покупной цены также были извлечены из компании *PRL*. Эта собственность обременена для обеспечения займов, предоставленных банками *Ahli United Bank* и *BNP Paribas*.

Судья зафиксировал свидетельство жены, согласно которому ее бывший супруг однажды посоветовал ей, что в случае если с ним что-нибудь случится, она должна продать все объекты собственности, отправиться в Невис и использовать доходы от продажи на свое проживание.

47. Отправной точкой является то, что в своих основаниях иска супруга прямо утверждала, среди прочего, что ее бывший супруг использовал корпоративных ответчиков для владения юридическим титулом на объекты собственности, которые бенефициарно принадлежали ему самому. Все семь спорных объектов собственности были обозначены супругой как находящиеся в таком владении в пользу ее супруга. В п. 25 ее заявления она высказывает предположение, что ее супруг был их бенефициарным собственником, которое поддерживается в некоторых случаях несколько неопределенными основаниями для такого предположения. Ни супруг, ни компании не исполнили приказы суда о предоставлении окончательных пояснений об обстоятельствах приобретения объектов собственности и об источниках денежных средств для уплаты покупной цены. Компании были привлечены к настоящему разбирательству лишь потому, что о них заявлялось как о трасти в пользу супруга в отношении его акций и собственности и потому что супруга добивалась получения судебных приказов о передаче этих активов в ее собственность. Кроме того, компании не предоставили отзыв на иск (*defence*), не исполнили приказы суда о раскрытии доказательств (*orders for disclosure*). Из того немногого, что можно было понять из affidavits м-ра Murphu, ясно, что отказ компаний от сотрудничества с судом был намеренным, несмотря на то что они осознавали последствия нахождения лондонских объектов недвижимости (в отличие от иных активов) в сфере юрисдикции этого суда, у которого имеется возможность непосредственно привести в исполнение любой приказ, который суд мог бы сделать в отношении данных объектов. Единственным объяснением их неподчинения предложено то, что информация об объектах носила конфиденциальный характер по отношению к акционерам компаний или к коммерческим партнерам. Сложно представить, что какие-либо коммерческие партнеры могут обладать доступом к информации, касающейся резиденций супругов в Лондоне, и согласно установленным судьей обстоятельствам единственным акционером был сам супруг. Единственным доказательством, имеющим непосредственное отношение к делу, было заявление м-ра Murphu в его affidavite о том, что компании являются единственными бенефициарными собственниками акций и объектов недвижимости, но он отказался явиться в суд для дачи показаний по этому вопросу. Судья отклонил его объяснение неявки состоянием здоровья. Выводы судьи относительно собственности и контроля над компаниями означают, что отказ компаний от сотрудничества в данном разбирательстве являлся линией поведения, окончательно принятой по указанию бывшего

супруга. Из всех этих фактов справедливо сделать вывод о том, что главной, если не единственной, причиной уклонения компаний от сотрудничества являлась защита лондонских объектов собственности. А это, в свою очередь, предполагает, что надлежащее раскрытие фактов обнаружило бы бенефициарную принадлежность данных объектов супругу, как утверждала жена.

48. Возвращаясь к тому, что известно о приобретении спорной собственности, следует отметить, что компания *PRL* приобрела юридический титул (*legal interest*) на шесть лондонских объектов (включая семейный дом) в период между 1995 и 2001 г. Все эти объекты были приобретены компанией *PRL* до того, как она начала вести коммерческие операции и добывать свои собственные денежные средства. Именно на этом основании судья признал, что семейный дом находился в трасте в пользу супруга с момента его приобретения в 2001 г. Поскольку, как установил судья, никакая арендная плата не уплачивалась компании *PRL* за пребывание семьи в супружеском доме, это подтверждает факт использования супругом принадлежащей ему компании *PRL* в качестве средства для держания юридического титула (на объекты. — *Прим. пер.*) на условиях траста (*vehicle to hold legal title on trust for himself*).

49. Что касается других пяти объектов, принадлежащих компании *PRL*, то первая группа включает три объекта (*Flats 4 and 5, 27 Abbey Road, and Flat 2, 143 Ashmore Road*), приобретенные компанией в декабре 1995 г. и в марте 1996 г., в каждом случае за номинальное вознаграждение в размере £1. Поскольку не последовало никакого объяснения относительно безвозмездного отчуждения (*gratuitous transfer*) этих объектов в собственность компании *PRL*, нет ничего, что могло бы опровергнуть обычную презумпцию права справедливости (*ordinary presumption of equity*), согласно которой компания *PRL* не предполагалась приобретателем бенефициарного интереса на эти объекты (*was not intended to acquire a beneficial interest in them*). Единственный вопрос состоит в том, кто обладал бенефициарным интересом. Квартира 4, 27 Abbey Road была отчуждена супругом, который первоначально приобрел ее на свое имя в 1991 г., до инкорпорации компании *PRL*. Это и есть, таким образом, обычный «возвратный траст», переносящий на супруга бенефициарный интерес в собственности (*resulting trust back to the husband*), которым он обладает с учетом обременений в пользу банков *Ahli United Bank* и *BNP Paribas*. Квартира 5, 27 Abbey Road была передана в собственность компании *PRL* младшим братом супруга Мишелем. Он приобрел титул на эту квартиру несколько ранее, в то время, когда у него не было средств, чтобы заплатить за нее. Согласно показаниям жены ее бывший супруг заплатил за эту квартиру. И вновь нет никаких доказательств, которые могли бы опровергнуть обычный вывод о том, что супруг был бенефициарным собственником данной квартиры на момент ее отчуждения на имя компании *PRL*, и что компания владела этой квартирой на основании «возвратного траста» для супруга (*resulting trust for him*). Право (*leasehold interest*) на квартиру 2, 143 Ashmore Road было передано на имя компании *PRL* супругой. Несколько любопытная последовательность титулов, предшествующих такому отчуждению, описана выше. Из обстоятельств следует, что супруг предоставил покупную сумму и был бенефициарным собственником в то время, когда юридический титул (*legal estate*) был приобретен на имя *Jimmy Lawrence*, а также на момент передачи этого титула от него на имя жены. Затем данный объект либо стал бенефициарной собственностью супруги (результат, который предполагается изначально по праву справедливости); либо все еще оставался в бенефициарной собственности супруга, что, по моему мнению, следует

из свидетельства жены о проведении этого трансфера самим супругом без ее сознательного участия. В любом случае, компания как юридический собственник может быть обязана передать данную собственность бывшей супруге. Я прихожу к выводу, что супруг оставался в течение всего времени бенефициарным собственником всех трех объектов (*beneficial owner of all three properties*).

50. Права (*freehold interest*) на дом 143 Ashmore Road и на квартиру 6 (Flat 6, 62–64 Beethoven Street) относятся к иной категории. О квартире 6 (Flat 6, 62–64 Beethoven Street) известно, что она была приобретена компанией *PRL* от супруга в августе 1998 г. за значительное вознаграждение. Поскольку на тот момент компания *PRL* не начала ведение операций, я прихожу к выводу, что деньги в оплату покупной цены должны были поступить от супруга. Практически ничего неизвестно об условиях приобретения «интереса» жены во владении 143 Ashmore Road, за исключением того, что супруг говорит о поступлении денег на покупку из компании *PRL*. По той же причине я прихожу к выводу о том, что компания *PRL* была профинансирована супругом. Компания *PRL* могла бы быть бенефициарным собственником этих объектов в случае, если бы, например, супруг предоставил компании деньги посредством займа или подписки на акции (*loan or capital subscription*). Но нет никаких доказательств, достаточных для такого вывода, и я не хотел бы предполагать такой вывод в их отсутствие. Я прихожу к заключению, что бенефициарным собственником этих двух объектов был супруг (*beneficial owner of these two properties*).

51. Оставшиеся два объекта в Лондоне (*London properties*) (Flat 310, Pavilion Apartments and 11, South Lodge, Circus Road) были приобретены на имя компании *Vermont* за значительное вознаграждение — в июле 2001 г. и в январе 2004 г. соответственно. Компания *Vermont* — это нефтяная торговая компания, которая согласно показаниям супруга начала добычу нефти в 2010 г. В финансовой документации компании за 2008 г. два этих объекта отражены как ее единственный актив, и у компании не было никаких обязательств, кроме банковских займов, обеспеченных обременением квартиры 310, Pavilion Apartments. Квартира 310, Pavilion Apartments была приобретена на средства, извлеченные из компании *PRL* в то время, когда эта компания не начала торговые операции. Я прихожу к выводу, что денежные средства были предоставлены компании *PRL* супругом. Та же ситуация и с домом 11, South Lodge, за исключением того, что данный объект был приобретен за счет денег, предоставленных компанией *PRL* в то время, когда она была активной торгующей компанией и могла, таким образом, сама профинансировать покупку. Однако необходимо отметить, (i) что собственность на супружескую резиденцию в Лондоне представляется не имеющей ничего общего с бизнесом по торговле нефтью, в котором была задействована компания *PRL*, и (ii) что на этом этапе истории можно разглядеть согласующийся пример, когда супруг обусловливает приобретение собственности за счет средств, предоставленных им же через компании под его контролем, номинально профинансированные компанией *PRL*, но фактически им самим. Если дом 11, South Lodge и был исключением, то это было отклонением от такой практики. Я считаю, что в отсутствие какого-либо объяснения данных сделок супругом или его компаниями, оба этих объекта, приобретенных на имя компании *Vermont*, бенефициарно принадлежали супругу (*beneficially owned by the husband*).

52. Вопрос о том, являются ли активы, значащиеся за компанией на юридическом титуле (*assets legally vested in a company*), бенефициарно принадлежащими лицу, ее контролирующему, существенно зависит от

фактических обстоятельств. Представляется невозможным предоставить общее руководство, выходящее за пределы обычных принципов и презумпций права справедливости (*equity*), особенно относящихся к безвозмездному отчуждению имущества и «возвратным трастам» (*gifts and resulting trusts*). Но я рискну предположить, хотя и без окончательной определенности, что в случае с семейным домом (*matrimonial home*), фактов вполне достаточно для обоснования вывода о том, что собственность находилась в трасте для супруга, который владел компанией и контролировал ее. Во многих (возможно, в большинстве) случаях использование собственности компании под семейный дом контролирующего ее лица не может быть истолковано как состоявшееся в интересах компании, особенно если это безосновательное предоставление (*gratuitous*). В такой ситуации следует считать, что супруг, контролирующий компанию, намеревается сохранить определенный уровень контроля в отношении семейного дома, что не согласуется с бенефициарной собственностью компании. Разумеется, могут быть разработаны структуры, создающие иное впечатление, и некоторые из них могут быть абсолютно подлинными. Но когда, скажем, условия приобретения и занятия семейного дома согласуются между супругом, действующим в его личном качестве (*personal capacity*), и им же в качестве единственного действующего агента компании (*capacity as the sole effective agent of the company*) (или кого-либо еще, действующего по его указанию), то судьи, осуществляющие юрисдикцию по семейным спорам, вправе скептически относиться к тому, являются ли условия занятия этого дома в действительности тем, что о них говорят, или же они — попросту обман для сокрытия действительности бенефициарной собственности супруга (*simply a sham to conceal the reality of the husband's beneficial ownership*).

СУПРУЖЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СЕМЕЙНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

53. Супруга добивалась специального разрешения рассмотреть довод о том, что компании составляли часть «соглашения о семейной собственности» (*nuptial settlement*²⁰) в смысле секции 24(1) (с) Акта о семейных спорах. Суд отказал в таком разрешении. Этот вопрос не был оспорен в предыдущей инстанции и не представляется серьезно оспариваемым здесь.

УСЛОВИЯ РАЗРЕШЕНИЯ ОБРАТИТЬСЯ С АПЕЛЛЯЦИЕЙ

54. В заключение отмечу, что меня крайне удивило, что компаниям было разрешено обратиться с апелляцией на таких нетребовательных условиях. Их обязали уплатить судебные издержки, но от них не потребовали устранить последствия проявленного ими неуважения к суду в связи с нераскрытием документов и информации, не были они также ограничены

²⁰ Marriage settlement. A settlement made between the parties to a marriage. A settlement made before the marriage ceremony is called an antenuptial settlement; that made after the marriage is a postnuptial settlement. The purpose of a marriage settlement is to provide an income for one spouse or the children, while securing the capital for the other spouse. The courts have power when giving decrees of divorce, nullity, or judicial separation either to order property owned by one spouse to be settled for the benefit of the other spouse and children or to vary the terms of any existing ante- or postnuptial settlement. This power is often used to retain the use of the matrimonial home until the children are independent, as well as to retain the parents' financial investment (A Dictionary of Law, 7th ed. P. 343).

в их действиях в отношении спорной собственности. В данном деле могли бы быть разумные основания для неприменения таких условий, но эта возможность даже не рассматривалась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

55. Соответственно, я должен признать, что семь спорных объектов, титулом собственности на которые наделены компании *PRL* и *Vermont*, находятся у них в трасте в пользу супруга, и я восстанавливаю параграф 6 приказа судьи Moylan J. в части требования в отношении этих компаний передать объекты в собственность супруге.

56. С учетом возможного противоположного заявления о расходах я бы также восстановил параграф 14 приказа судьи в той части, в которой говорится о расходах, подлежащих уплате компаниями *PRL* и *Vermont*, и приказал бы им оплатить расходы по апелляции. Кроме того, я не стал бы требовать от компании *Upstream*, против которой не испрашивалось никакого средства защиты, оплатить какие-либо расходы, но с учетом необычных обстоятельств настоящего дела, я не стал бы также выносить в их пользу какие-либо приказы о судебных расходах.

Лорд Neuberger:

57. Я согласен с тем, что апелляция госпожи Prest подлежит удовлетворению. В частности, я согласен с тем, что ее апелляция должна быть (i) удовлетворена на основании приобретения ответчиками и владения объектами собственности в виде траста в пользу супруга, но (ii) отклонена в той части, в которой она основывается на «пронизывании корпоративной вуали» (*piercing the veil of incorporation*) или на положениях секции 24(1)(a) или (c) Акта о семейных спорах 1973 г.

58. Я согласен со всем тем, что было сказано лордом Sumption о (i) толковании секции 24(1)(a) Акта 1973 г. (параграфы 37–42), (ii) по вопросу траста, в его мастерском анализе фактов и выводов, которые из них надлежит сделать (параграфы 43–52), (iii) о спорном пункте, который сторона добивалась представить на рассмотрение относительно секции 24(1)(c), (параграф 53), и (iv) с его заключениями в параграфах 55 и 56, и у меня нет ничего, что я хотел бы добавить по этим вопросам.

59. Мне бы хотелось, однако, немного добавить по поводу того, что лорд Sumption говорит по вопросу, имеет ли право суд и при каких обстоятельствах «пронзить корпоративную вуаль» в отсутствие на то специального законодательного полномочия.

60. Я согласен с тем, что есть два типа дел, в которых судьи описывали их решения как основывающиеся на «пронизывании корпоративной вуали», а именно касающиеся «сокрытия» (*concealment*) и связанные с «уклонением» (*evasion*). Мне представляется, что судья Staughton L. J. имел в виду подобную классификацию в деле *Atlas Maritime Co SA v. Avalon Maritime Ltd (N 1)* [1991] 4 All ER 769, 779G (цитировано в деле *VTB Capital plc v. Nutritek International Corpn* [2013] UKSC 5; [2013] 2 WLR 378, para 118), где он пытался провести различие между «поднятием» (*lifting*) и «пронизыванием» (*piercing*) «корпоративной вуали».

61. Я также согласен с тем, что дела, связанные с «сокрытием» (*concealment*), вовсе не касаются «пронизывания корпоративной вуали». Эти дела основаны на применении установившихся правовых принципов (*conventional legal principles*) к деловым отношениям сторон (*arrangement*), включение в которые компании обусловлено намерением замаскировать истинную природу этих отношений. Соответственно, если «пронизывание корпоративной вуали» и имеет какое-либо значение, то только в связи с «уклонением».²¹

62. Более того, я согласен с тем, что если суд и имеет право «пронзить корпоративную вуаль», то, как указал судья Munby J. в деле *Ben Hashem v. Al Shayif* [2009] 1 FLR 115, суд может сделать это в пользу стороны только тогда, когда все другие, более приемлемые средства защиты оказались бесполезными (и, таким образом, я не соглашаюсь с Апелляционным Судом в деле *VTB* [2012] 2 Lloyd's Rep 313, para 79, который предложил иной подход).²²

63. Однако, как и в недавнем решении этого суда в деле *VTB*, нет необходимости в решении того, существует ли принцип, позволяющий суду в отсутствие законодательного уполномочия (или, быть может, в отсутствие намерения сторон договора) «пронзить корпоративную вуаль», и если это так, то каковы масштабы или границы данной доктрины.

64. В то же время я усматриваю настоятельную необходимость в рассмотрении указанных вопросов в настоящем деле. Это второе дело в течение нескольких месяцев, когда доктрина («снятия корпоративной вуали». — *Прим. пер.*) была призвана для рассмотрения ее этим судом в отсутствие, с любой точки зрения, надлежащих оснований. Как из дел, так и из научных статей представляется очевидным, что право, относящееся к этой доктрине, неудовлетворительно и путано. В данных делах и статьях, как мне представляется, говорится о том, что (i) нет ни одного примера в этой юрисдикции, в котором бы доктрина была применена надлежащим образом и успешно, (ii) существуют сомнения относительно самого существования доктрины, и (iii) невозможно различить какой-либо последовательный подход, применимые принципы или определенные ограничения в применении доктрины.

65. При таких обстоятельствах имеет смысл выяснить, существует ли обозначенная доктрина, и если это так, установить некое последовательное, практическое и принципиальное основание для нее, если мы можем сделать это в настоящем деле.

66. Всякая дискуссия относительно данной доктрины должна начинаться с решения по делу *Salomon v. A Salomon and Co Ltd* [1897] AC 22, в котором Палата лордов единогласно пришла к ясному и принципиальному выводу, не изменявшемуся более века. Итог этого решения выражен в словах лорда Halsbury L. C., который указал, что «юридически созданная» (*legally incorporated*) компания «должна рассматриваться как любое иное

²¹ «I also agree that cases concerned with concealment do not involve piercing the corporate veil at all. They simply involve the application of conventional legal principles to an arrangement which happens to include a company being interposed to disguise the true nature of that arrangement. Accordingly, if piercing the corporate veil has any role to play, it is in connection with evasion».

²² «Furthermore, I agree that, if the court has power to pierce the corporate veil, Munby J. was correct in *Ben Hashem v. Al Shayif* [2009] 1 FLR 115 to suggest that it could only do so in favour of a party when all other, more conventional, remedies have proved to be of no assistance (and therefore I disagree with the Court of Appeal in *VTB* [2012] 2 Lloyd's Rep 313, para 79, who suggested otherwise)».

независимое лицо со своими правами и обязанностями, свойственными ему... каковы бы ни были идеи или планы тех, кто дал ей жизнь». Будь то правило общего права или следствие законодательства о компаниях (или смесь обоих), это очень хорошо укрепившийся принцип давно устоявшегося и высокого авторитета. Высказываясь за рамками судебных актов, лорд Templeman описывал принцип, выраженный в деле *Salomon*, как «неколебимую скалу» (*unyielding rock*), на которой построено право компаний и о которому окончательно разбиваются сложные выводы (*on which «complicated arguments» might ultimately become «shipwrecked»*).

67. Решение по делу *Salomon* явно представляет существенное препятствие на пути доказывания того, что «корпоративная вуаль» может быть «пронзена». Далее, важность поддержания ясности и простоты в данной сфере права означает, что если доктрина и должна существовать, обстоятельства, при которых она применяется, должны быть ограничены, и настолько ясно, насколько это возможно.

68. После решения по делу *Salomon* было немало дел, в которых суды рассмотрели «пронизывание» или «поднятие» «корпоративной вуали» («*piercing» or «lifting» the corporate veil*). Наиболее важные из этих дел рассмотрены лордом Sumption в параграфах 20–35 выше. Такое обсуждение демонстрирует, как я понимаю, следующее:

i. Решение Международного суда справедливости (*the International Court of Justice*) в деле *In re Barcelona Traction, Light and Power Co, Ltd* [1970] ICJ 3 признает эту доктрину; однако в контексте гражданского права (*civil law*), которая включает принцип недопустимости злоупотребления правом, возникает вопрос, может ли доктрина быть применена судами в системе общего права в отсутствие специального законодательного разрешения;

ii. Есть решения по семейным спорам, основанные на *obiter dicta* в деле *Nicholas v. Nicholas* [1984] FLR 285 (или решении судьи Thorpe L. J. в этом деле и судьи Mostyn J. в *Kremen v. Agrest (N 2)* [2011] 2 FLR 490), в котором доктрина рассматривалась как действительная и применимая; но применение доктрины, даже если она и существует, в этих делах представляется неприемлемым, как справедливо указал судья Munby J. в деле *A v. A* [2007] 2 FLR 467 и в деле *Ben Hashem* [2009] 1 FLR 115;

iii. Есть два дела вне контекста семейного права, которые заложили основу для установления доктрины, а именно решения Апелляционного Суда в деле *Gilford Motor Co Ltd v. Horne* [1933] Ch 935, и судьи Russell J. в деле *Jones v. Lipman* [1962] 1 WLR 832;

iv. В двух последующих делах — одно Палаты лордов, *Woolfson v. Strathclyde Regional Council* 1978 SC(HL) 90, другое Апелляционного Суда, *Adams v. Cape Industries plc* [1990] Ch 433 — допускалось или признавалось существование доктрины, но эти решения не более чем суждения *obiter*, поскольку ни в одном из них доктрина не применялась;

v. В последующих делах Апелляционного Суда и Высокого Суда было сделано предположение (и неудивительно), что доктрина подлежит применению, два недавних примера — решения Апелляционного Суда в деле *VTB* [2012] 2 Lloyd's Rep 313 и в деле *Alliance Bank JSC v. Aquanta Corpn* [2013] 1 Lloyd's Rep 175;

vi. Однако только в двух из последующих дел (решения судов первой инстанции в делах *Gencor ACP Ltd v. Dalby* [2000] 2 BCLC 734 и *Trusstor AB v. Smallbone (No 2)* [2001] 1 WLR 1177) доктрина действительно была применена в качестве основания решения, и каждое из данных дел могло бы быть разрешено таким же образом без обращения к доктрине,

и, соответственно, в этих делах применение доктрины не имело правовых оснований с любой точки зрения.

69. При более близком анализе дел, упомянутых в параграфе (iii) выше, я не нахожу, что факты и результаты дел *Gilford Motor* и *Jones* предоставляют непосредственную поддержку этой доктрине. Однако если исходить из текста решений по указанным делам, можно было бы сказать, что они, на первый взгляд, основаны на данной доктрине. Более того, такие решения показывают, что, если суд приходит к выводу (хотя я считаю, что это был неверный вывод в упомянутых делах) об отсутствии иного способа достижения справедливости, доктрина предоставляет для этого стоящие средства.

70. В деле *Gilford Motor* спор в первой инстанции и в апелляции был сосредоточен на действительности ограничительного соглашения. Из решения лорда Hanworth M. R. становится понятным, что представитель компании согласился с тем, что если в отличие от его утверждения компания была «лишь покровом или обманом» («mere cloak or sham») и что бизнес в действительности велся м-ром Horne в нарушение ограничительного соглашения, то компания также должна была быть ограничена судом. Более того, по моему мнению, это дело являлось одним из случаев применения принципа «сокрытия» и, таким образом, в действительности вовсе не требовало применения рассматриваемой доктрины.

71. В любом случае, мне представляется, что решение по делу *Gilford Motor* о применении судебного запрета (*injunction*) против компании было в достаточной мере мотивировано тем, что компания была агентом м-ра Horne для цели продолжения бизнеса (как если бы это была его супруга, если бы он использовал ее в качестве «прикрытия»); таким образом, если судебный запрет был оправдан против самого м-ра Horne, он был обоснован и против его компании. В решении по делу *Gilford Motor* нет ничего такого, что могло бы вызвать предположение о намерении судей Апелляционного Суда создать новое право, не говоря уже о пересмотре хорошо устоявшегося и простого принципа, изложенного в деле *Salomon*.

72. Определенно нельзя исключить возможность того, что трое судей Апелляционного Суда в деле *Gilford Motor* использовали выражение «прикрытие или обман» (*cloak or sham*) для предположения существования в качестве предмета правового анализа отношений агента и принципала. Лорд Hanworth опирался на отрывок в решении судьи Lindley L. J. в деле *Smith v. Hancock* [1894] 2 Ch 377, 385 (где выражение *cloak or sham* представляется впервые возникшим), и в этом отрывке, как мне представляется, «прикрытие» или «обман» (*cloak or sham*) рассматривались как приближающиеся по значению к бизнесу, вводимому в пользу ответчика. Этот взгляд поддерживается высказыванием лорда Denning M. R. в деле *Wallersteiner v. Moir* [1974] 1 WLR 991, 1013, а именно что компании в этом деле: «Были лишь куклами др-ра Wallersteiner... Говоря юридическим языком, они были его агентами, выполняющими его команды. Он был принципалом, стоящим за ними... Как бы то ни было, именно от него зависело доказывание того, что кто-либо еще имел право голоса в их делах, а он никогда этого так и не сделал».

73. Что касается дела *Jones*, я не убежден в том, что для судьи Russell J. было необходимым обращаться к доктрине для обоснования приказа о принудительном исполнении сделки (*order for specific performance*), которого добивались истцы в том деле. Приказ о принудительном исполнении сделки должен был бы потребовать от м-ра Lipman не просто передать спорную собственность истцам, но и сделать все, что было в пределах его власти, чтобы гарантировать такую передачу собственности. М-р Lipman и работник

его солиситоров были единственными акционерами и директорами компании, обязательством которой был только заем £1500 у банка (средства, занятые для погашения половины от £3000, которые компания уплатила за приобретение собственности). При таких обстоятельствах предстает очевидным, что м-р Lipman мог бы понудить компанию передать собственность истцам (при условии, что он должен был бы возместить компании уплаченную ею покупную цену, что гарантировало бы недопустимость ухудшения интересов банка). В самом деле, я считаю, что компания справедливо могла бы рассматриваться как «творение» м-ра Lipman, без какого бы то ни было вмешательства в сферу принципа, установленного в деле *Salomon*.

74. История доктрины на протяжении более чем 80 лет ее предположительного существования (если считать дело *Gilford Motor* в качестве отправной точки) является, таким образом, серией решений, каждое из которых может быть помещено в одну из трех категорий, а именно:

- i. Решения, в которых допускалось существование доктрины, но был сделан правильный вывод о ее неприменении исходя из фактов дела;
- ii. Решения, в которых предполагалось существование доктрины, но был сделан неверный вывод о ее применении исходя из фактов дела;
- iii. Решения, в которых предполагалось существование доктрины, и она была применена к фактам, но тот же результат мог бы быть достигнут на несколько иным, общепринятом правовом основании, и, таким образом, вывод о применимости доктрины был неверен.

(Доктрина также была применена в делах, не рассмотренных лордом Sumption, но они не добавляют ничего нового — см. решения, упомянутые и кратко рассмотренные в деле *VTB* [2013] 2 WLR 398, параграфы 125 и 127.)

75. Отсутствие какого-либо последовательного принципа в применении доктрины было упомянуто судами во многих основных юрисдикциях общего права. В нашей стране Clarke J. в деле *The Tjaskemolen* [1997] 2 Lloyd's Rep 465, 471 указал, что «судебная практика так и не выработала, что же понимать под «пронизыванием корпоративной вуали». В Австралии, в деле *Briggs v. James Hardie & Co Pty Ltd* (1989) 16 NSWLR 549, 567, судья Rogers A. J. A. в Апелляционном Суде Нового Южного Уэльса отметил «отсутствие общего, единого принципа, который бы лежал в основании различных решений судов о «пронизывании корпоративной вуали», и то, что «из руководящих судебных решений не усматривается принципиального подхода». В деле *Constitution Insurance Co of Canada v. Kosmopoulos* [1987] 1 SCR 2, 10, судья Wilson из Верховного Суда Канады указал, что «право относительно того, когда суд может «поднять корпоративную вуаль»... не следует какому-либо согласованному принципу». Апелляционный суд Новой Зеландии в деле *Attorney-General v. Equiticorp Industries Group Ltd (In Statutory Management)* [1996] 1 NZLR 528, 541, указал, что ««поднять корпоративную вуаль»... не является принципом. Это описание процесса, которое не дает руководства относительно того, когда он может быть применен». В решении Верховного Суда Южной Африки, *Cape Pacific Ltd v. Lubner Controlling Investments (Pty) Ltd* 1995 (4) SA 790 (A), 802–803, судья Smalberger J. A. заметил, «что право еще далеко от того, чтобы считать его устоявшимся, когда речь идет об обстоятельствах, допускающих «пронизывание корпоративной вуали»».

76. Судьи в Соединенных Штатах также критически относятся к доктрине, несмотря на то что она применялась и развивалась ими в гораздо большей степени, нежели в этой юрисдикции. В деле *Secor Serv Sys Inc v. St Joseph Bank & Trust Co*, 855 F2d (7th Cir, 1988), 406, 414, судья Апелляционного Суда США Easterbrook описал доктрину как «достаточно сложную

для применения, поскольку она избегает формулировки действительного правила решения. Это держит людей в неведении о правовых последствиях их действий...». А в деле *Allied Capital Corp v GC-Sun Holdings LP*, 910 A2d (2006) 1020, 1042–1043, Суд Казначейства штата Делавэр указал, что доктрина «правильно критиковалась за ее двусмысленность или случайность» и что ее применение редко приводит к предсказуемым результатам.

77. Доктрина не нашла поддержки и у ученых. Easterbrook и Fischel, *Limited Liability and the Corporation* (1985) 52 Univ Chicago L Rev 89, точно отмечают, что «"пронизывание" представляется очень непредсказуемым. Подобно молнии, оно случается редко, сурово и неразборчиво». Правовая природа доктрины была охарактеризована как «непоследовательная и непринципиальная» Farrar, *Fraud, Fairness and Piercing the Corporate Veil* (1990) 16 Can Bus LJ 474, 478. Mitchell в работе *Lifting the Corporate Veil in the English Courts: An Empirical Study* (1999) 3 Co Fin and Ins LR 15, 16 отмечает, что «суды часто использовали однозначные выражения для своих решений по этому вопросу, которые, несмотря на всю их яркость, ничего не говорят нам о причинах, лежащих в основании этих решений». Neyers в *Canadian Corporate Law, Veil-Piercing, and the Private Law Model Corporation* (2000) 50 Univ Toronto LJ 173, 180, задает риторический вопрос: «Как может "доктрина юридического лица", в одном отношении занимающая столь центральное положение в корпоративном праве, в другом отношении столь случайно не приниматься во внимание?» Michael в работе *To Know A Veil* (2000) 26 J Corp Law 41, 55, ссылается на доктрину как на «несуществующую и ложную». Ramsay и Noakes, *Piercing the Corporate Veil in Australia* (2001) 19 C & SLJ 250, 251, отмечают, что «доктрина весьма далека от ясности в прецедентном праве». А такой автор, как Oh, в статье *Veil-Piercing* (2010) 89 Texas Law Review 81, 84 говорит, что «свойственная метафорам неточность выразилась в доктринальной путанице».

78. Этот последний взгляд имеет некоторое созвучие с моими замечаниями в деле *VTB* [2013] 2 WLR 398, параграф 124, об использовании критических выражений для прикрытия ими отсутствия рационального анализа. Это также согласуется с упоминанием судьи Cardozo в деле *Berkey v. Third Ave Ry* 155 NE 58, 61 (1926) о «тумане метафор» в корпоративном праве, которые, «будучи изначально средствами освобождения мысли... зачастую завершали свой путь порабощением её».

79. В этих обстоятельствах меня в первую очередь весьма привлек довод о том, что предложенная доктрина, противоречивая и неопределенная, и кажущаяся, как следует из проведенного анализа, никогда не использовавшейся успешно и уместно за все восемьдесят лет ее предполагаемого существования, должна быть отправлена на покой. Такое решение придаст праву большую ясность, чем в настоящее время, и во многих делах уменьшит сложности и расходы: всякий раз, когда усматривалась потребность в этой доктрине, она никогда не применялась.²³

80. Однако я пришел к выводу, что было бы неверным сбрасывать со счетов доктрину, которая, хотя и раскритикована судьями и учеными, в целом существует во всех юрисдикциях общего права и представляет

²³ «In these circumstances, I was initially strongly attracted by the argument that we should decide that a supposed doctrine, which is controversial and uncertain, and which, on analysis, appears never to have been invoked successfully and appropriately in its 80 years of supposed existence, should be given its quietus. Such a decision would render the law much clearer than it is now, and in a number of cases it would reduce complications and costs: whenever the doctrine is really needed, it never seems to apply».

потенциально ценное судебное средство для устранения нарушения права в некоторых случаях, когда отсутствует какой-либо другой применимый принцип. Соответственно, при условии наличия возможности различить или определить подход к «пронизыванию корпоративной вуали», который бы согласовался с обычными юридическими принципами, отражал предыдущую судебную практику (в той мере, в которой она может быть установлена и согласована) и представлял бы собой практическое решение (которое, как я надеюсь, избежит проблем, обобщенных в параграфе 75 выше), то, я полагаю, было бы верным принять такой подход как определение доктрины.

81. После прочтения сказанного лордом Sumption в его решении, особенно в параграфах 17, 18, 27, 28, 34 и 35, меня убедила его формулировка в параграфе 35, а именно что доктрину следует применять только тогда, когда «лицо, являющееся стороной действующего обязательства, несущее ответственность или находящееся под действующим юридическим ограничением, намеренно их обходит или умышленно делает их осуществление тщетным посредством введения в соответствующие юридические отношения компании под его контролем».

82. Мне представляется, что такая ясная и определенная доктрина не будет противоречить, по крайней мере, большинству ограничений, сделанных в отношении этой доктрины. В частности, (i) она будет иметь значение в некоторых делах, где она может быть правильно применена, (ii) я полагаю, что она достаточно ясна, чтобы сделать маловероятным ее применение в ненадлежащих случаях, и (iii) она не затрагивает правило, сформулированное в деле *Salomon*, поскольку согласуется с общепринятыми правовыми принципами.

83. Остается только признать, что эта ограниченная доктрина не может быть сведена только к «пронизыванию корпоративной вуали». Вместе с тем необходимо сделать некоторые замечания относительно ее формулировки. В той мере, в которой она основывается на принципе «злоупотребление доверием разрушает все» (*fraud unravels everything*), упомянутом лордом Sumption в параграфе 18, эта формулировка попросту означает применение хорошо установившегося принципа, существующего независимо от доктрины. В любом случае, эта формулировка не является утверждением об одном только «пронизывании корпоративной вуали». Так, она равным образом могла бы быть применена к лицу, передающему активы супругу или гражданскому партнеру, нежели компании. Далее, по крайней мере, в некоторых делах, где на нее можно положиться, она, возможно, может быть рассмотрена как основанная на агентских отношениях или на отношениях траста, особенно в свете слов «под его контролем». Однако, хотя бы эти замечания и были правильными, они не подрывают данную лордом Sumption характеристику доктрины: они будут служить подтверждением существования доктрины, хотя и в качестве аспекта более общепринятого принципа. И если эта формулировка рассчитана на то, чтобы пойти далее применения принципа «злоупотребление доверием разрушает все» (*fraud unravels everything*), представляется спорным, насколько будет правильным для суда избрать курс, направленный на наделение самого себя правом вмешательства и аннулирования сделок, за исключением случаев, когда имеется хорошо установившееся и принципиальное основание для этого. Такой курс, как я полагаю, является делом законодателя. И действительно, Парламент решил принять законодательство в этом отношении применительно к определенным и ограниченным обстоятельствам с учетом защиты

третьих лиц, в частности, в секции 37 Акта о семейных спорах 1973 г. и в секции 423 Акта о несостоятельности 1986 г.

Леди Hale (с которой соглашается лорд Wilson):

84. Я согласна с тем, что эта апелляция подлежит удовлетворению на том основании, что компании-ответчики владели спорными объектами в виде траста в пользу супруга. Поскольку супруг бенефициарно управомочен на эти объекты, они попадают в сферу власти суда на принятие приказов о передаче собственности согласно секции 24(1)(a) Акта о семейных спорах 1973 г. Из этого также следует, что у суда есть полномочие приказывать компаниям как «простым трасти» (*bare trustees*) передать эти объекты собственности бывшей супруге.

85. Основания для вывода о бенефициарной принадлежности объектов собственности супругу были подробно изложены лордом Sumption. Я бы только обратила внимание на особую природу производства о предоставлении финансовой помощи супругу и распределении семейной собственности (*proceedings for financial relief and property adjustment*) согласно Акту о семейных спорах, что было изложено в параграфе 45 этого решения. Имеется публичный интерес в том, чтобы супруги предоставляли друг другу надлежащее содержание как в период брака, так и после него, в особенности при наличии детей, нуждающихся в заботе и образовании, а также по иным основаниям, исследованным в таких делах, как *Miller v. Miller* [2006] UKHL 24, [2006] 2 AC 618. Это означает, что участие суда носит «инквизиционный» характер. Это также означает, что у сторон есть обязанность — не только по отношению друг к другу, но и по отношению к суду — полное и честное раскрытие всех существенных обстоятельств, имеющих отношение к осуществлению судом его полномочий, включая, разумеется, их ресурсы: *Livesey (formerly Jenkins) v. Jenkins* [1985] AC 424. Если ими это не сделано, суд вправе прийти к таким выводам о фактах, которые могут быть получены из всего доступного суду материала, включая все то, что уже было раскрыто, а также с учетом судебного опыта относительно того, что вероятнее всего могло быть сокрыто, и исходя из свойственных конкретному делу вероятностей.

86. По причинам, обоснованным лордом Sumption, я также согласна с тем, что секция 24(1)(a) Акта о семейных спорах не предоставляет суду полномочия приказывать одному из супругов передать другому супругу собственность, на которую у первого нет права. Выражение «объекты, на которые супруг имеет право, будь то в его владении или в виде требования об их возврате» (*entitled, either in possession or reversion*) относится к правам, признаваемым правом собственности. Это очевидно не только из текста закона, но и из законодательной истории.

87. Выражение «управомочен на какие бы то ни было объекты собственности, будь то во владении или в виде требования об их возврате» (*entitled to any property either in possession or reversion*) впервые появилось в Акте о семейных спорах 1857 г., который ввел в право Англии и Уэльса судебный развод. Секция 45 предоставляла суду право при вынесении решения о разводе из-за супружеской неверности жены оставить эту собственность в пользу супруга и детей от этого брака. Подобные выражения были использованы в секции 3 Акта о семейных спорах 1884 г. при распространении того же полномочия суда в отношении заявления супруга

о «реституции супружеских прав» (*restitution of conjugal rights*²⁴). Они были перенесены, соответственно, в секции 191(1) и (2) Акта о Верховном Суде (the Supreme Court of Judicature (Consolidation) Act) 1925 г., затем в секции 24(1) и (2) Акта о семейных спорах 1950 г., затем в секции 17(2) и 21(3) Акта о семейных спорах 1965 г. Право суда на принятие решений о «реституции супружеских прав» было упразднено в результате обширной реформы семейного права, вступившей в силу с 1 января 1971 г. Новое законодательство включило в секцию 4(а) Акта о семейных разбирательствах и собственности 1970 г. право суда приказать любому из супругов передать другому «собственность, в отношении которой первая сторона управомочена, будь то в ее владении или в виде права требования возврата» (*property to which the first-mentioned party is entitled, either in possession or reversion*). Это было расширением ранее существовавшего права суда урегулировать принадлежность собственности супруги, которое теперь могло быть применено судом в пользу любого из супругов и повлечь не только оставление этой собственности во владении супруга, но и ее прямую передачу другому супругу. Секция 4(а) впоследствии стала секцией 24(1)(а) Акта о семейных спорах 1973 г.

88. Ни в самом тексте Акта, ни в его предыстории, ни в Докладе Комиссии по праву, приведшей к принятию Акта 1970 г. (Law Com N 25), нет никаких оснований для предположения о том, что это выражение следует читать как включающее «собственность, в отношении которой сторона имеет такой контроль, что она может обусловить получение ею самой правового титула на эту собственность, как находящуюся во владении, так и подлежащую возврату по ее требованию». Но, разумеется, такая собственность может быть принята в расчет при определении ресурсов этой стороны для цели секции 25(2) Акта 1973 г., которая устанавливает незамкнутый перечень факторов, подлежащих учету судом при решении того, каким образом осуществлять различные полномочия по изданию приказов по семейным спорам относительно финансового содержания и распределения собственности.

89. Из текста секции 24(1)(а) не усматривается оснований для предположения намерения Парламента наделить суды по рассмотрению семейных споров явно выраженным полномочием по «пронизыванию корпоративной вуали» таким образом, чтобы рассматривать принадлежащую компании собственность как собственность, принадлежащую супругу, контролирующему эту компанию. Тем не менее возникает вопрос, имеют ли суды в случае, подобном настоящему, право предотвращать использование как «двигателей обмана» тех законов, на основании которых учреждаются в качестве самостоятельных юридических лиц компании с ограниченной ответственностью, как в этой, так и в иных юрисдикциях. Я согласна с лордом Sumption в том, что «пронизывание корпоративной вуали» — это пример того общего принципа, с которым юристы по семейным спорам знакомы начиная с дела *R v. Secretary of State for the Home Department, Ex p Puttick* [1981] QB 767.

²⁴ «Conjugal rights. The rights of either spouse of a marriage, which include the right to the other's consortium (company), cohabitation (sexual intercourse), and maintenance during the marriage. There is, however, no longer any legal procedure for enforcing these rights. The old action for restitution of conjugal rights was abolished in 1971 and a husband insisting on sexual intercourse against the wishes of his wife may be guilty of rape» (A Dictionary of Law, 7th ed. P. 121).

90. Лорд Sumption в параграфе 16 обобщенно ссылается на процесс («пронизывания вуали». — *Прим. пер.*) как на «непринятие во внимание обособленной личности компании». Однако при рассмотрении границ этого процесса уместно определить его цель. В деле *Salomon v. A Salomon and Co Ltd* [1897] AC 22 целью было «зайти» за обособленную юридическую личность компании для того, чтобы судить лично Арона Саломона за ответственность, которая юридически была ответственностью компании, учрежденной им (с участием его самого и членов его семьи как акционеров) для ведения кожевенного и обувного бизнеса. Этот подход одержал верх в первой инстанции и в Апелляционном Суде, судья Lindley L. J. указал даже, что «план м-ра Арона Саломона есть устройство для обмана кредиторов (a device to defraud creditors)»: [1895] 2 Ch 323, 339. Они не посчитали, что Парламент принял законодательство о компаниях с ограниченной ответственностью для того, чтобы единичные торговцы могли вести их бизнес на условиях ограниченной ответственности. Но Палата лордов с этим не согласилась: компания является лицом, обособленным от м-ра Саломона, и он не может быть признан ответственным за долги компании. Палата лордов не нашла, что само по себе использование компании с ограниченной ответственностью как средства для ведения законного бизнеса может быть формой какого-либо мошенничества. Так родилась юридическая структура современного бизнеса.

91. Однако есть несколько случаев, в которых суды были очевидно готовы не принять во внимание обособленную личность компании для того, чтобы предоставить средство защиты не только против компании, но также против того лица, которое контролирует компанию и которому она принадлежит. Как дело *Gilford Motor Co Ltd v. Horne* [1933] Ch 935, так и дело *Jones v. Lipman* [1962] 1 WLR 832 — тому примеры. В обоих этих делах лицо, контролирующее компанию, имело ранее возникшее юридическое обязательство, которое оно пыталось обойти посредством учреждения компании, в одном случае — контрактное обязательство не конкурировать с первоначальным работодателем, в другом случае — контрактное обязательство продать землю истцу. В деле *In re Darby* [1911] 1 KB 95 ликвидатору компании-кредитора было разрешено «зайти» за обособленную личность компании-должника, зарегистрированной в Guernsey, для того чтобы получить средство защиты персонально против ее учредителей, которые мошеннически присвоили доходы от продажи компаний из Guernsey компании-кредитору не имеющей ценности лицензии на разработку карьера в Уэльсе.

92. Я не уверена, возможно ли точно классифицировать все те дела, в которых суды были готовы не принять во внимание обособленную корпоративную личность компании, на случаи «сокрытия» или «уклонения» (*concealment or evasion*). Эти дела могут быть попросту примерами применения принципа о том, что лицам, управляющим компаниями с ограниченной ответственностью, не должно быть позволено бессовестно использовать тех, с кем они ведут бизнес. Но общее во всех этих делах — непринятие во внимание обособленной корпоративной личности для того, чтобы получить средство защиты против лица, отличного от компании, в отношении обязательства, которое в ином случае будет обязательством одной только компании. В противоположном случае, когда целью является превращение личной ответственности собственника компании или контролирующего ее лица в ответственность самой компании, обычно более уместным будет полагаться на концепции агентирования и «руководящего ума» (*agency and of the «directing mind»*).

93. В данном деле мы видим стремление не принимать во внимание обособленную юридическую личность компаний, чтобы возложить на них

ответственность, которая может быть только ответственностью самого супруга. Это не есть обычная ответственность, как, например, за нарушение договора, а весьма специфическое основанное на законе полномочие суда издать приказ в отношении одного из супругов по передаче другому супругу собственности, в отношении которой первый имеет юридический титул. Основной довод состоит в том, что такое полномочие суда может быть применено против самих компаний, поскольку супруг владеет этими компаниями и контролирует их. Мне трудно понять, каким образом это могло бы быть сделано, если только не считать компании всего лишь номинальными держателями собственности, находящейся в трасте в пользу супруга, что и было установлено в отношении спорных объектов в настоящем деле. Было бы удивительно, если бы такое было редким случаем.

94. В секции 37 Акта о семейных спорах 1973 г. предусмотрено полномочие суда по аннулированию определенных сделок с собственностью, совершенных с намерением сделать невозможным удовлетворение требований супруга о предоставлении финансового обеспечения или о распределении собственности. В данном деле не было заявлено, что расходы, понесенные на приобретение спорных объектов собственности, которые были куплены задолго до прекращения брака, были произведены именно с таким намерением. Будь это так, мог бы последовать довод о том, что исключение для добросовестного покупателя, содержащееся в секции 37(4) этого Акта, не применяется к компании, «контролирующий ум» которой действовал с таким намерением. Но к настоящему делу данный вопрос не относится.

95. *Stone & Rolls Ltd v. Moore Stephens (a firm)* [2009] AC 1391 — пример «обхода» обособленной юридической личности компании для того, чтобы «добраться» до лица, владеющего компанией и контролирующего ее, но не для того, чтобы судить его, а для отнесения на компанию его знания (о мошенническом характере введущегося им бизнеса. — *Прим. пер.*), с тем чтобы аудиторы компании могли защититься принципом *ex turpi causa* в отношении обвинений компании об их небрежности, приведшей к неспособности установить мошенническую природу ее бизнеса.²⁵

96. По всем этим причинам, в дополнение к указанным лордом Sumption, я бы отклонила эту апелляцию, за исключением вопроса о бенефициарном интересе сторон в спорных объектах собственности, по которому я считаю апелляцию подлежащей удовлетворению. Я очень надеюсь, что супруга получит некоторую выгоду от исхода всего этого разбирательства, хотя с учетом тех обременений, которые лежат на собственности, я не столь оптимистична в том, что так оно и будет.

Лорд Мансе:

97. Я согласен с тем, что апелляционная жалоба подлежит удовлетворению по основаниям, изложенным лордом Sumption, с учетом дополнения, сделанного лордом Neuberger.

²⁵ Подробнее об упомянутом в данном фрагменте деле, ставшем предметом рассмотрения Палаты лордов, см.: *Назыков А. Л.* О виндикации имущества, отчужденного директором компании помимо ее воли, или в каких случаях действия директора не являются выражением воли его компании (британский опыт для российской практики) // Закон. 2013. № 1.

98. Я согласен с проведенным лордом Sumption анализом сложившегося и существующего до настоящего момента британского прецедентного права, в котором метафора «пронизывание корпоративной вуали» использовалась как элемент мотивировки решений, представляющих исключение из основного принципа, сформулированного в деле *Salomon v. A Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22.

99. В результате всего сказанного единственными делами, определенными лордом Sumption, в которых принцип «пронизывания корпоративной вуали» мог бы быть признан решающим, являясь те, которые могут быть осмыслены как подпадающие под описанный им принцип «уклонения» (*evasion principle*). В остальных делах корпоративное образование попросту использовалось для сокрытия реального действующего лица либо имелся несколько иной анализ дела или же иные отношения сторон (такие как отношения принципала и агента, номинального владельца или трасти — бенефициара), достаточные для мотивировки решения суда.

100. Вместе с тем попытки исключить все возможные в будущем ситуации зачастую бывают опасны, и мне бы не хотелось этого делать. Но можно с уверенностью сказать, что сила принципа, выраженного в деле *Salomon*, и большое количество иных средств, доступных праву, означает, что если и есть некоторые ситуации, при которых «пронизывание корпоративной вуали» может иметь значение как последний «запасной вариант» (*final fall-back*), то такие ситуации, вероятно, будут новыми и крайне редкими.

101. В связи с этим мне вспоминается сказанное мною в недавнем решении Тайного Совета (Privy Council) по делу *La Générale des Carrières et des Mines v. FG Hemisphere Associates LLC* [2012] UKPC 27, параграф 77 (в контексте наличия у компании *Gécamines* статуса государственной корпорации, защищенной от ликвидации): «Альтернативный подход, который предлагает компания *Hemisphere*, состоит в том, что, если считать компанию *Gécamines* обособленным юридическим лицом, то установленные факты допускают “поднятие корпоративной вуали” для предоставления компании *Hemisphere* возможности преследовать иском компанию *Gécamines* в дополнение к Государству. По мнению Совета, это означает неправильное применение какого бы то ни было принципа, допускающего поднятие “корпоративной вуали” согласно британскому и международному праву. Если допустить в интересах спора, что “бесцеремонное” подчинение компании *Gécamines* контролирующей воле государства повлекло нарушение государством его обязанности уважать компанию *Gécamines* как обособленное лицо, это могло бы позволить затронутому третьему лицу, возможно даже не получившему исполнение кредитором компании *Gécamines*, предположить допустимость “поднятия корпоративной вуали” для того, чтобы сделать Государство, лишившее компанию *Gécamines* ее активов, ответственным по долгам компании *Gécamines*. Совет не находит необходимым дальнейшее обсуждение этого вопроса. Этот подход является прямо противоположным настоящей ситуации. Нет никакого основания для признания государственного завладения активами компании *Gécamines* или использования ею своих активов в интересах государства, на что компания *Hemisphere* направляет свою горячую критику, как объяснение для возложения на компанию *Gécamines* еще более тяжелого бремени в виде ответственности за все долги Демократической Республики Конго. В международном праве, как и в национальном праве, “поднятие корпоративной вуали” должно быть “подогнанным” средством защиты, подходящим под обстоятельства, обусловившие необходимость в нем».

102. Может быть и так, что упомянутая мною в параграфе 77 приведенного решения Тайного Совета возможная ситуация улетучится как вероятное дальнейшее исключение из принципа, установленного в деле *Salomon*. Это определено иная ситуация, в отличие от рассмотренной лордом Sumption. Но хотелось бы до разрешения настоящего спора услышать объяснение в отношении этого или иного предложенного исключения из принципа, в деле, в котором это имело бы непосредственное значение. Однако едва ли можно представить, что какое-либо иное исключение, в дополнение к принципу «уклонения» (*evasion principle*), может быть с легкостью установлено, если таковое вообще существует. Очевидное отсутствие в прецедентном праве, тщательно исследованном лордом Sumption, какого-либо руководящего решения в пользу установления дальнейшего исключения из принципа говорит само за себя.

Лорд Clarke:

103. Я согласен с остальными членами суда в том, что апелляция подлежит удовлетворению по основаниям, приведенным лордом Sumption. Мне бы лишь хотелось добавить несколько слов относительно «пронизывания корпоративной вуали». Я согласен с тем, что такая доктрина существует и что ее границы не ясны. Я также согласен с тем, что судья Munby J. в деле *Ben Hashem v. Al Shayif* [2009] 1 FLR 115 правильно предположил, что суд только тогда имеет право «пронзить корпоративную вуаль», когда все иные более общепринятые средства защиты оказались не способными прийти на помощь. Таким образом, эта доктрина может быть применена только в очень редких случаях. Лорд Sumption, скорее всего, прав в том, что это («пронизывание». — *Прим. пер.*) может быть сделано только в случае «уклонения» (*evasion*), в отличие от «сокрытия» (*concealment*), где оно не является необходимым. Однако это различие не обсуждалось в ходе разбирательства, и, по моему мнению, не должно быть окончательно принято, до тех пока суд не заслушал детализированные пояснения по данному вопросу. Я согласен с лордом Мансе в том, что попытки исключить все возможные в будущем ситуации зачастую опасны, и подобно ему я бы не хотел этого делать. Я выразил подобную точку зрения в деле *VTB Capital plc v. Nutritek International Corpn* [2013] 2 WLR 378 и придерживаюсь ее и сейчас. Вместе с тем я также согласен с лордом Мансе и другими судьями в том, что ситуации, при которых «пронизывание корпоративной вуали» может быть доступно как последний «запасной вариант» (*fall-back*), будут крайне редки, и не следует обнадеживать себя мыслью, что какое-либо иное исключение в дополнение к «принципу уклонения» (*evasion principle*) будет легко установить. Это исключено.

Лорд Walker:

104. Лорд Sumption всеобъемлюще проанализировал весьма путаные доказательства, относящиеся к бенефициарной собственности на лондонские объекты. Его вывод о том, что все они находятся в бенефициарной собственности м-ра Prest, является, на мой взгляд, неоспоримым, основанным на доказательствах об источниках, из которых была профинансирована покупка объектов собственности, так же как и на выводах, сделанных из отказа м-ра Murphy, директора компании *PRL*, явиться в суд для дачи

показаний. Я также согласен с замечаниями лорда Sumption о толковании и действии Акта о семейных спорах 1973 г., в отношении которого леди Hale добавила полное описание его законодательной истории. Апелляция подлежит удовлетворению на условиях, предложенных лордом Sumption.

105. В этих обстоятельствах необходимость добавления дальнейших общих рассуждений относительно сложного вопроса о «пронизывании корпоративной вуали» отсутствует. Но, с моей точки зрения, воздержаться от всяких дальнейших обсуждений этой проблемы было бы упущенной возможностью, если не сказать даже некоторым пренебрежением нашего долга. Таким образом, я приветствую подробное обсуждение вопроса в решениях лорда Neuberger, леди Hale, лорда Mance и лорда Sumption.

106. Мне бы не хотелось дополнять сказанное, но, по моему мнению, «пронизывание корпоративной вуали», в целом, не является доктриной, в смысле последовательного принципа или юридического правила. Это всего лишь обозначение — часто используемое неразборчиво, как замечает лорд Sumption, — для описания разнообразных случаев, в которых определенное юридическое правило создает кажущиеся исключения из принципа обособленной юридической личности корпоративного образования, подтвержденного Палатой лордов в деле *Salomon v. A Salomon and Co Ltd* [1897] AC 22. Такой результат может следовать из положений закона, солидарной ответственности при деликте, или из неосновательного обогащения, или же из принципов права справедливости и права трастов. Кажущиеся исключения из общего принципа могут вытекать и из силы действия судебного запрета или другого приказа суда, обязывающего третьих лиц, осведомленных о его условиях. Если и существует небольшая остаточная категория случаев, в которых эта метафора действует самостоятельно, то до сих пор не представлено ни одного ясного примера, однако дело *Stone & Rolls Ltd v. Moore Stephens (a firm)*, упомянутое в решении леди Hale, все же может считаться таковым.